

Андрей Булычев

ЕГЕРЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ДЕЛО ЧЕСТИ

Егеръ Императрицы

Андрей Булычев

Егеръ Императрицы. Дело чести

«Автор»

2026

Булычев А. А.

Егерь Императрицы. Дело чести / А. А. Булычев — «Автор»,
2026 — (Егерь Императрицы)

Весна 1800 года. Из триумфальных Итальянского и Швейцарского походов в Санкт-Петербург возвращается Лейб-гвардии егерский полк. Генерал-майор Алексей Егоров ждёт высочайшей милости: император Павел I лично желает видеть героев в парадном строю. Столица замерла в предвкушении праздника, а в залах Зимнего дворца всё готово для чествования победителей. В эти же самые дни, вдали от столичной суеты, в Кобрине борется за жизнь и угасает тяжело больной генералиссимус Суворов. Прославленный полководец находится в зените всемирной славы, однако тучи над ним уже сгущаются — царская милость изменчива и капризна, как балтийский ветер, и вместо триумфа старого воина ждёт новая опала. Генералу Егорову предстоит сделать выбор между блестящим столичным будущим и верностью своему умирающему учителю. Это история о воинском долге, обманчивом земном величии и о судьбах русского офицерства на рубеже двух беспокойных веков.

© Булычев А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Опала	5
Глава 1. Домой	5
Глава 2. Лифляндские вёрсты	10
Глава 3. У государева порога	16
Глава 4. Монаршее благоволение	22
Глава 5. «Старая» память	29
Глава 6. В столице	34
Глава 7. «Здѣсь лежитъ Суворовъ»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Булычев

Егерь Императрицы

Дело чести

Часть I. Опала

Глава 1. Домой

– Если по Динабургскому тракту идти, Алексей Петрович, то обоз в грязи завязнет, – покачав головой, произнёс с сомнением Гусев. – Там ведь южнее Чудского озера около сотни вёрст по весенней хляби. А вот если по Нарвскому следовать, там дорога гораздо лучше.

– Зато Псков как раз посередине пути стоит, – заметил Хлебников. – Можно и без отдыха прошагать всю первую половину, а там хорошо отдохнуть – всё же губернский город. И уж потом поворот на Лугу, ещё и к самой Гатчине выйдем напрямиком с юга. Государь-то ведь Гатчину крепко любит. Может, он именно там и пожелает парад возвращающимся войскам устроить, а тут – раз, и мы сами туда подошли, вот и угодим.

– Ага, нам после Алып и этого перехода только на параде маршировать, – усмехнулся Милорадович. – Мундиры все штопаны-перештопаны, на ногах сапоги трофейные с резаным голенищем, вся амуниция сплошь перешита и не по уставу подогнана. Да вы и сами всё знаете, кому я тут рассказываю.

– Государь захочет – он и на Семёновской площади нам встречу устроит, – заметил Гусев. – Вспомните, господа, что в девяносто седьмом после Персидского похода с нами случилось.

– Да-а уж, этот девяносто седьмой, – поморщившись от тяжёлых воспоминаний, промолвил Алексей. – Не дай бог ещё такое повторить. Надеюсь, перед заходом в столицу нам дадут хоть неделю привести полк в порядок. Не хотелось бы перед грозными очами в таком вот виде предстать. Александр Павлович, обоз на тебе, – перевёл он взгляд на полкового интенданта. – Как сам считаешь, какой лучше путь выбрать, по Нарвскому или по Псковскому тракту идти? Говори, что думаешь.

– Я, ваше превосходительство, согласен с Сергеем Владимировичем, – произнёс тот. – На Нарвском пути порядка больше – как-никак, главный «парадный въезд» из Европы в Россию, ну или, напротив, выезд. Дорогу там хорошо нынче пригладили, а кое-где даже замостили. Да даже если и нет – всё ведь лучше по прибрежному балтийскому песку обоз тянуть, чем по глинистой жиже. Через каждые двадцать – тридцать вёрст на Нарвском тракте почтовые станции стоят, и самое главное – переправы устроены. Там даже на малых речках и то плашкоутные мосты выставляют, я уж не говорю про серьёзные реки. А вот на Псковском тракте с этим гораздо хуже: если летом малая речка солдату по колено, самое большое по пояс, а вот каково оно сейчас, в такое половодье? Неделю ведь будем у парома ждать, пока все на нём переправятся. Да и по армейским магазинам – на Нарвском они и в Вольмаре, и в Дерпте, и в самой Нарве имеются. Даже в Лужском Ямбурге перед самой столицей. Кстати, вот именно там-то и можно было бы привести полк в порядок. В Ямбурге, как я знаю, армейский магазин ещё при матушке Екатерине преогромнейший построили и казармы для войскового постоя.

– Сколько от Ямбурга до Санкт-Петербурга? – поинтересовался у Гусева Алексей.

– Около ста двадцати вёрст, – взглянув на карту, ответил тот. – Дорога там по ижорским землям проходит, а уж они самые благоустроенные для прохода войск. На этом отрезке, правда,

три речки и несколько ручьёв у Красного Села, но переправы хорошие. Последний пункт для остановки – это Стрельна, дальше уже сам пригород и Нарвская застава.

– Идём Нарвским трактом, – принял решение Егоров. – Выступаем завтра. Всем командирам ещё раз проверить свои подразделения. При себе у егерей в заплечных мешках иметь походный провиант на три дня, всё остальное пусть едет на обозных повозках.

– Вольно! – приняв доклад от заместителя, козырнул Бегов. – Рота, нале-е-во! К походному маршу! Колонной! Дистанция в рядах полсажени. Шаго-ом марш!

Сотня подошв слитно ударила по плотно утопанной дороге. Ряды в зелёных мундирах качнулись, и колонна первой роты второго батальона лейб-гвардии Егерского полка пошла вслед за такими же зелёными прямоугольниками, что вытягивались на большую дорогу.

– Всё-ё, потопали, – пробасил Кожухов. – Теперь нам скорым шагом долго бежать. До города с хорошим постоем две переправы через Лифляндскую речку, как уж её там Авдей Никитич называл? Вроде Гая¹. Чего скажешь, Фрол?

– Кажись, да, она самая, – откликнулся Горшков. – Фельдфебель наш говорит, что она тут и летом немалая, а сейчас-то и вообще в большом разливе будет. Не знай даже, как минуем. Сумеют ли держать мост исправным, али, может, на пароме переправлять будут?

– Никитич сказал, что сумеют, – заметил взводный унтер. – Небось, главный это тракт, самый что ни на есть – амператорский. Всякое сношение с европами, ежели сухим путём, то через него. Сам же видел – чуть ли не каждый день фельдъегерские кареты туда-сюда катят.

– Лука Назарович, а чего за город там с хорошим постоем? – поинтересовался шагающий позади унтеров Южаков. – Каков он?

– А тебе-то это на кой, Ванька? – обернулся Кожухов. – Город он и есть город, Лифляндский, опосля него потом ещё и Дерпт с Нарвой будут. А этот вроде как Вольдемаром, али Вольмаром зовётся.

– А-а, вона как, – протянул егерь, – мудрёное название. Да мне-то так, просто любопытно. Небось уж, немалый город, дома каменные, на постой всем места в ём хватит?

– Не бойсь, хватит, – протянул Кожухов. – С комендантского взвода ребятки говорят, что начальство так весь путь прикинуло, чтобы дней на пять, на шесть хода полная днёвка под хорошей крышей приходилась. Тогда и шагать, дескать, будет веселей, и перед государем в лучшем виде предстанем.

Река Гауя встретила полк большим весенним разливом. Там, где еще прошлым летом был брод да утлый деревянный мосток, сейчас бурлила мутная, вспухшая от талых вод река. Берега ее раздались вширь, затопив прибрежную пойму. Единственной переправой сейчас служил плашкоутный мост – приземистая, грузная конструкция из связанных между собой плоскодонных барж, поверх которых был настелен дощатый настил.

– Лука Назарович, гляди, как поднялась-то, – Южаков кивнул на бурлящий поток, поправляя на плече ремень штупера. – В Италиях и Альпах такого разлива вовсе не видали. Там вода с гор бежала злая да холодная, но хоть с берегов далеко не выходила. А тут будто кисель – размазнёй, и всё вокруг топит.

– И там и здесь, всюду огляд нужен, – проворчал Кожухов, щурясь на шаткий мост. – В Альпах чуть оступился – и в пропасть. А здесь оступишься – в пучину утянет, и всё, считай царствие небесное. Хлипковата, я гляжу, переправа, аккуратней нужно. Держи дистанцию, братцы, не напирай!

¹ Река Гауя.

– Рота, стой! – слышалась команда капитана. – Переходим поотделенно. Сейчас рота Горского пройдёт, за ней следом обоз, потом мы. Ефрейтор, Горшков, твои первыми пойдут. Антонов, десять шагов дистанции, потом твои.

– Слушаюсь, ваше благородие! – отозвались ефрейторы.

Мост и вправду ходил ходуном. Тяжелые полковые повозки выезжали на него с опаской: понтоны оседали под весом, доски настила скрипели и прогибались, а в щели между ними брызгала ледяная вода. Лошади прядали ушами, всхрапывали, и ездовые, матерясь сквозь зубы, тянули их под уздцы. Одна из интендантских фур, груженная бочонками с солониной, опасно накренилась – правое колесо соскочило с бревенчатого настила и зависло над водой. Раздался крик десятка глоток, егеря навалились плечами, выправили, и она покатила дальше. Уф! Пронесло.

Кузьма Никитин, самый молодой в отделении, но уже с аннинской медалью на мундире, тарасился на этот грохот и суету с нескрываемым удивлением. На его памяти подобных переправ еще не было – в Персидский поход он к службе не поспел, в Альпах совсем другое, а тут, почитай, чуть ли не в родных землях, и эдакая страхолюдная переправа.

– Дядька Тихон, – дернул он за рукав Лыкова, – а нешто в России мосты-то совсем худые? В Италии вона какие стояли. А тут...

– В Италии, дурында, им по тыщце лет всем, – незлобиво прогудел тот, поправляя на плече перевязь. – Крепкие они, из скального камня сработаны. А тут, почитай, каждый год после половодья новый деревянный ладят. Не бойсь, это тебе не Чёртов мост над пропастью, тут и без шарфов офицерских обойдемся. Свой, нашинский, пусть даже и деревянный, ничего, не хуже, чем по итальянскому пройдем.

Рота за ротой, чередуясь с обозными повозками, переходили на правый берег подразделения. Здесь, на небольшой возвышенности, уже дымили костры, разведённые первым батальоном. Разведчики Осокина, как всегда, следуя впереди всех, успели пообедать толканом и теперь, дожидаясь отставших, грели в котелках воду для травяного чая, лёжа на расстеленных полах. Отделение Горшкова миновало их с завистливыми взглядами. У разведчиков свои порядки – им скоро опять бежать вперёд.

В Вольмар вошли к вечеру пятых суток пути. Уездный городок, маленький, притихший, встретил колонну колокольным звоном – звонарь на кирхе надрывался, приветствуя русское воинство. Обыватели, наслышанные о возвращении гвардии, толпились на обочине улиц, разглядывая усталых егерей.

Гарнизонные служители разводили роты по заранее отведенным домам. Стрелкам Бегова достался кривой переулочек с длинным купеческим домом в самом начале. Хозяин – пожилой курляндец с бакенбардами и в смешном колпаке – суетился в сенях, пытаясь одновременно и кланяться, и объяснять на скверном русском, что «кровать-то у него в доме одна, господа военные, только для самого важного офицера, а вот солдатскую братию он может положить только в людской».

– Размещайтесь прямо в горнице, ребята! – гаркнул Кожухов, стягивая с плеч шинель. – Полати, лавки – всё наше. Хозяин, ты не бойся, мы люди не гордые, было бы где голову преклонить.

Унтер-офицер по-хозяйски оглядел комнату. Широкая, с низким потолком и жарко натопленной печью. В ней пахло кислой капустой, воском и чем-то прогорклым. После сырых и холодных ночевек в Альпах и долгого марша это всё казалось раем.

– Дорофеев, Кузька, – кивнул он двум егерям, – вам к печи поближе, сушитесь, на последней переправе всех больше промокли. Всем оружие осмотреть и обиходить, пока готовщики с ужином управятся. Сыро больно, как бы ржа не пошла, так что не ленимся, лучше всё чистим и смазываем.

– Эх, братцы, хорошо-то как! – Лыков скинул сапоги и, развернув портянки, с блаженством вытянул ноги. – Тепло, словно опять я в Италиях сижу.

Запах пошел такой, что сидевший рядом Южаков демонстративно зажал нос.

– В Италии солнце грело, а тут – печка, – произнёс Иван. – Там и на улице всегда жара, хорошо обувку сушить, а тут хуже. Ну и дух же от тебя, Тихон, исходит, как от старого козла.

– В Италии и ноги так не мокрили, – заметил Калюкин, – и сапоги так шибко не воняли. А тут вон Рябой только их скинул – и всех насмерть уморил. Худые, небось.

– Зато свои они уже, родные, – заявил Лыков. – Эти сапоги, Елизарка, всю Швейцарию прошли и через Альпы перевалили. Они, можно сказать, – святые. Их теперяча в красный угол ставить можно.

– Их на помойку надобно выкинуть, – фыркнул Калюкин, стягивая через голову пропотевшую рубаху. – Ты погляди, у тебя голенище ажно колом стоит, всё солью походной пропиталось. Поставишь в угол – точно само трубой стоять будет.

– И пусть себе стоит, – Лыков любовно погладил рыжую, истерзанную кожу. – Важные они, заслуженные. Ты, Елизарка, этого всё одно не поймёшь. Ты ведь у нас человек недалёкий, тебе только чтоб юфть была новой да скрипучей. А это, балда, сейчас не просто сапог, это, можно сказать, история боевая. Вот по этому голенищу, ежели присмотреться, картечина чирканула под Мутенской долиной. А здесь вот, гляди, дырка круглая – осколок от гранаты французской кожу просёк. А вот борозда сбоку – это когда мы через Росшток шли, я чуть было в пропасть не сорвался, об скол на камне правый сапог напоролся. Живая память это, брат, а не худая обувка.

– Живая память, – передразнил от печи Дорофеев, доставая сухую рубаху из заплечника. – А ноги-то у тебя, Тихон, небось тоже живые. Я гляжу, ты их сегодня так натомил, что они тебе спасибо точно не скажут. Чини лучше обувку, а то совсем расползётся. Где ещё новую на марше найдёшь?

– Ладно, ладно, я гляжу, тут все умные, – отмахнулся Лыков и, зевая во весь рот, полез в мешок. – А то я сам не знаю, как надо. Чего, кусок кожи в обозе зря, что ли, выменял? Филя, у тебя вроде свеча сальная целая была, одолжишь? Я потом тебе новую отдам.

– Да на кой она тебе сейчас, и так два светильника горят? – ответил товарищ. – Неужто не видно?

– Пока-то, конечно, видно, а потом, как все спать завалитесь, я в угол подсяду, чтоб не мешать, – сказал Тихон. – Сапожное дело оно ведь долгое, кропотливое, суеты шибко не любит. Если уж браться – так чтоб на совесть.

– Ладно, дам свечу, – откликнулся Филимон. – Обожди, только фузейный замок дочисти.

Горшков, устроившийся подле оконца, положил штуцер на колени и ветошью, смоченной в костном масле, принялся неторопливо натирать в замке, стараясь пролезть в каждую щёлочку. Масла было совсем мало – на доньшке стеклянного пузырька, обёрнутого в тряпицу, плескалось всего ничего, – но ефрейтор не жаловался: мазал скупое, экономно, лишь бы железо не заржавело от сырого мартовского воздуха. Вместе с ним принялись обихаживать оружие и все остальные егеря. Слышался металлический скрип, постукивание шомполов о стенки стволов и сопенье.

Меж тем за окнами начинал накрапывать мелкий, занудливый дождь. Мутные стекла на двух ставнях дрожали от порывов ветра, и в печной трубе завывало так жалобно, что Калюкин, передёргивая плечами, пробормотал:

– Опять этот вой, словно дитя плачет. В Альпах так же вот выло, братцы, помните? Бывало, на перевалах как...

– Помолчи ты про Альпы! – неожиданно резко оборвал его Южаков, сидевший на лавке у самой двери. Он держал в одной руке прут, в другой – запасной кремёнь и никак не мог сладить с пружиной замка. – Что ты всё поминаешь их, Елизар? Тяжело там было, слов нет,

да прошло уже. Чего же душу травить? Ты лучше мне скажи – у тебя дратва при себе есть? Ремень бы подшить, а то мой совсем размахрился. Дёрну невзначай, он и спадёт.

Калюкин, не обижаясь на резкость товарища, молча порылся в мешке и, достав суровую нить с шилом и напёрстком, передал Ивану. Южаков, приняв всё с благодарностью, придвинулся поближе к одному из масляных светильников и принялся за починку.

– В Дерпте, братцы, надо обязательно по базару пройтись, – негромко произнёс Дорофеев, забравшись на печь. – Говорят, там товару всякого – все лавки завалены. И кожевники там хорошие. А то у меня, почитай, уж не подмётка, а так, видимость одна. Ещё верста-другая, и пальцы на дороге оставлять начну.

– На ярмарку, значит, все пойдём, – довольно улыбнувшись, сказал Кузьма. – Лифляндия-то эта, небось, не за тридевять земель, как бы ведь тоже Россия, а всё равно ведь словно за границей. У них тут, поди, и говор другой, и товар не нашенский. Дорого тут, небось, дерут?

– А мы тоже не лыком шиты, – отозвался Лошкарёв, закончив чистить ружьё. – Поторгуемся. Чай, русское серебро и тут тоже в чести. А ежели цену загнут – покажем кулак. Кулак-то везде одинаково понимают.

Горшков, закончив смазывать замок, поправил кремень и несколько раз звонко щёлкнул курком. Звук вышел сухой, чёткий – значит, механизм был в порядке. Отложив штуцер, он оглядел свою артель и покачал головой:

– Хватит галдеть, сороки. Завтра подъём сразу, как только рассветёт. В Дерпте днёвка у нас точно будет, а может, и два дня даже дадут, там и поторгуетесь, и погуляете. А сейчас – спать. Всё, я светильники гашу, кому надо – свечу в углу зажигайте и тихонько сидите. Кузька, в печь пяток полешков подкинь. Больше не нужно, на утро для готовки оставь.

В горнице заворочались. Кузьма шепнул что-то Науму, тот хихикнул, но быстро осёкся под строгим взглядом ефрейтора. Солдаты расползлись по лавкам, укрываясь шинелями и подкладывая под головы заплечные мешки. Печка дышала теплом, и от её нагретого бока по комнате плыло сонное, разморённое тепло. Где-то на улице, перекликаясь, прошла новая смена караулов, и снова всё стихло.

Только Лыков ещё долго возился в углу с сапогом да ворочался Калюкин, кряхтя и вздыхая, – то ли вспоминал что-то, то ли просто не мог устроиться поудобнее. Наконец, затих и он, уткнувшись носом в жёсткий воротник шинели. Сон, тяжёлый и глубокий, без сновидений, накрыл горницу, полную спящих людей, уставших от долгого марша. С утра их опять ждала дорога, а до Семёновской площади им было ещё идти – полтысячи вёрст.

Глава 2. Лифляндские вёрсты

Утро застало полк на марше. Солнце, едва поднявшееся над зубчатой стеной лифляндского леса, осветило мокрую после ночного дождя дорогу, и та заблестела, точно чешуя. Идти стало легче, перед рассветом чуток подморозило, и подошвы сапог уже не вязли в грязи, а звонко хрустели по подмёрзшим лужам.

Впереди был Дерпт – старинный, заложенный ещё Ярославом Мудрым город, отвоёванный через два столетия тевтонскими рыцарями у русских. Когда колонна втянулась на его узкие, мощённые булыжниками улочки, Алексей невольно придержал коня. Слева, надвое разрезая низкое балтийское небо, над городом царил холм Тоомеяги. Там, среди вековых деревьев, чернели величественные руины собора Петра и Павла – безмолвная громада из красного кирпича с обрушенными сводами и пустыми глазницами окон, помнившими ещё войско Ивана Грозного. Чуть поодаль доживали свой век остатки епископского замка, чьи толстые, поросшие мхом стены окончательно сдались времени. У самой подошвы холма примостился и университет, основанный шведским королём Густавом Адольфом ещё в прошлом столетии. Его старые каменные корпуса, где прежде звучала латынь, по большей части теперь стояли угрюмыми и заброшенными и постепенно рассыпались. Малая часть была отдана под военные склады и лазареты, и её хоть немного подправили. В окнах соседних с развалинами обывательских домов теплилась жизнь, и над черепичными крышами в морозный воздух тянулся утренний дымок.

– Гляди, Сергей, – негромко произнёс Егоров, кивнув на серые, ветхие стены у подножия холма. – Это ж надо – в такой глуши, в какой-то Лифляндии, и когда-то такое учёное гнездо было. Студенты, профессора...

– Так поговаривают, ваше превосходительство, что государь-то наш вот-вот подпишет указ, и снова здесь всё закрутится, только по-нашему, по-русски, – отозвался Гусев, чуть тронув коня шпорами, чтобы поравняться с генералом. – Глядишь, к тому времени, как в отставку выйдем, можно будет и лекции послушать, али и самим даже почитать. Небось по части топографии, полевой медицины или естественной истории никакому профессору не уступим? Чай, егерский глаз после лесов да болот поострее любого ихнего микроскопа будет. А вообще, если серьёзно – слышал, что тут физику якобы сам Паррот² зачнёт вести. А уж какой тут ботанический сад и аптекарский огород при немцах был – загляденье. Говорят, всё скоро восстановят.

– В отставку выйдем... – Егоров горько усмехнулся, глядя на пустые глазницы Домского собора. – Дожить бы до неё, Сергей. Нам пока не до неё и не до физики с Парротом.

Полк не стал задерживаться в тесных улочках центра и проследовал дальше. Вскоре городская черта осталась позади, и солдаты расположились на постое в выстроенных на окраине просторных казармах. Два дня отдыха пролетели незаметно. Люди отсыпались, стирали бельё, чинили изношенную амуницию. В первый же день, едва разместившись и немного приведя себя в порядок, Лыков, Южаков и ещё с полдюжины егерей, получив увольнительные, отправились на знаменитую Дерптскую ярмарку.

Огромное торжище шумело на площади перед ратушей. Лифляндские кожевенники разложили на прилавках сыромятные кожи и крепкие сапоги на «дубовой» подошве. Кожа была выделана так плотно, что звенела под ногтем, будто сухая доска. Лоточники, звеня колокольчи-

² Паррот Георг Фридрих (1767–1852) – выдающийся физик и общественный деятель, ставший в 1802 году первым ректором возрождённого Дерптского университета. Будучи близким доверенным лицом императора Александра I, он превратил университет в один из самых передовых научных центров Европы своего времени. Паррот был известен не только своими опытами в области гальванизма и оптики, но и практическими изобретениями для нужд армии и медицины, что сделало его имя нарицательным среди просвещённых офицеров той эпохи.

ками, расхваливали товар из шейных коробов, предлагая: костяные гребни, медные пуговицы, иголки, шилья и бруски-оселки для правки ножей. У самых дошлых нашлись и куски мела, и белая глина – первый товар для солдата, желавшего к смотру отбелить засаленные ремни амуниции.

В стороне, у края площади, где пахло гуще, выстроились телеги. Там из огромных бочек продавали на розлив дёготь и колёсную мазь, черпая тягучую жижу длинными ковшами прямо в посуду покупателей. В воздухе плыл аромат свежего хлеба, копчёной рыбы и можжевельного дыма от костров, где пекли ячменные лепёшки.

Фельдфебель Лужин прохаживался вдоль рядов и задержался у лавки с женской галантереей, где среди пёстрых лент и кружев висели тяжёлые шали. Рядом тут же пристроился Аникеев.

– Фёдор Евграфович, уж не для себя ли обновку приглядываешь? – хитро прищурившись, пошутил друг. – Может, сарафан присмотреть? К твоим-то усам в самый раз будет.

– Я тебе, Борька, сейчас такие «кружева» шомполом навешаю, что тошно будет, – незлобиво проворчал Лужин. – Иди лучше свою рожу отчисти, где сажай так замарался? А то от тебя как от варнака все торговки попрятались.

Аникеев озадаченно хмыкнул и машинально потер щеку заскорузлой ладонью.

– Сажай? – Он недоверчиво глянул на свои пальцы. – А-а... это я, видать, когда у лепешечника через воз протискивался, об котел мазнулся. Да и пусть прячутся, Евграфович! Мне с ними, чай, детей не крестить. Зато, глядишь, за такого разбойника и цену не заломят – побоятся.

Он еще раз усердно провел рукой по лицу и как ни в чем не бывало уставился на прилавков.

Лужин присмотрел платок из тонкой шерсти с алыми цветами и, для порядка поторговавшись, отсчитал положенную сумму.

– Ого! – присвистнул озабоченно Аникеев. – Да на эти деньги можно цельный бочонок вина взять!

– Иди ты со своим вином! – отмахнулся Лужин. – Только и мысли о хмельном. – Это для Дуни моей. Она у меня в плечах крепкая, статная – Царь-колокол! За такой бабой как за каменной стеной. Я в походах, а она и за хозяйку, и за мужика.

У лавки игрушечника Лужин выбрал резного коня с колёсиками на палке.

– А это вот для Ваньки, – сказал он подошедшему Соловьёву. – Обещал ему ещё на пять лет такого, да не сложилось. Будет за провиантскими складами на нём в атаку на крапиву ходить.

Вечером в расположении отделения ефрейтора Горшкова кипела работа. В углу Южиков кроил сыромятную кожу. Калюкин Елизар натирал нитки воском, превращая их в крепкую дратву. Родька методично постукивал молотком, выправляя пряжку. Рябой Лыков Тихон вместе с Дорофеевым и Шиповым пробовали новое шило, а Лошкарёв и Ткачёв, вытряхнув крошки из сухарных мешков, застирывали их в корыте, чтобы потом просушить на печи.

Под светильником, горевшим на стене, пристроились молодые – Кузьма Никитин и Наумка. Кузька, на чьём мундире поблёскивала Аннинская медаль, надраив награду суконкой, сосредоточенно мял в кулаках полосы нового холста, выбивая из ткани лишнюю жёсткость. Наумка же, достав купленный кусок мела, усердно растирал его в миске, готовясь чистить перевязь. Белая пыль тонким слоем оседала на его пальцах.

– Ты, Кузьма, медаль-то завтра лучше в ранец припрячь, – хохотнул товарищ, – а то поутру, ежели опять в город пойдём, от твоего сияния все девки у заставы ослепнут. И бросай уже портянки, что ли, не дело это кавалеру цельный час с обычным холстом возиться,

словно новобранцу какому. Брось ты уже эти тряпки, завтра и в старых походишь. Простирунл маненько и ладно.

Кузька отложил одну полосу в сторону, взял другую и принялся так же усердно её выхаживать.

– Это да-а, медаль, она больше для чести и царёва смотра, её под дождь да пыль заставскую совать нечего, – степенно, словно хорошо послуживший ветеран, отозвался он. – Так что в ранец её и положу, целее будет. А эта тряпица, как ты говоришь, она для дела, чтоб ноги в пути не подвели. С гнилой портянкой далеко ведь не пройдёшь, будь ты хоть трижды прыткий кавалер. Полк, Наумка, он ведь не парадным блеском, а крепким шагом на марше живет. Ноги собьёшь – и в строю не удержишься, а без строя ты не герой уже, а обуза и груз для подводы.

– Ишь, герои, – Горшков негромко хмыкнул, проверяя пальцем свежий шов на мундире. – Всё верно, Кузьма, медаль – она больше для парада, а в походе тебя только ноги и выручат. Выхаживай холст на совесть, времени у нас до послезавтрашнего утра вдосталь. Чинитесь, братцы, не спеша. Хороший инструмент на торгу взяли, чего же он без дела-то будет лежать?

В нагретой печи и телами казарме стало уютно. Слышно было только, как с натужным хрустом проходит навошенная нить сквозь толстую кожу да глухо постукивает молоток. Пахло дёгтем, воском и пыльным мелом. Отделение обживалось на новом месте, пряча ярмарочные гостинцы на самое дно глубоких заплечников, поближе к свежему исподнему.

Капитан Бегов, проверяя своих егерей, только головой покачал: рота гудела как улей, но дело спорилось. Конечно, сукно на плечах осталось вытертым от лямок мешков, а сапоги с избитыми носками и глубокими трещинами на сгибах всё так же помнили каждую версту пройденного пути. И тем не менее к вечеру второго дня отдыха всё было приведено более-менее в божеский вид. Глубокие порезы и дыры на коже обуви егеря затянули дратвой и хорошенько затерли воском, сбитые задники густо замазали жирным дёгтем, а втёртый мел скрыл въевшуюся в амуничные ремни дорожную пыль. Ротный командир прошёл мимо нар, видя, как вчерашнее рваньё трудами солдат превратилось в латаное, но крепкое снаряжение. Новым оно, конечно, не стало, но службу справить ещё могло.

Тем временем в штабной комнате полковой интендант докладывал генералу Егорову о пополнении запасов:

– Ваше превосходительство, в здешнем армейском магазине провиант выдали сполна. Сухарей – на целую неделю, крупы – на пять дней, солонины – десять бочонков, и фуража для лошадей отгрузили. Квашеной капусты и даже сала удалось закупить у местных для приварка. Цены, правда, сильно кусаются – лифляндцы народ прижимистый, но в дорожную казну мы уложились.

– Добро, – кивнул Алексей. – Дальше как обычно, Александр Павлович. Посылай Колеганова впереди колонн в Нарву. Пусть налегке с десятком верховых убывает и там хлопочет о постое. Все сопроводительные бумаги для него уже выправлены, пусть забирает их у Гусева.

– Почти сто восемьдесят вёрст, ваше превосходительство, – вопросительно посмотрел на генерала Рогозин. – Точно без днёвки пойдём? Может, посерёд пути прямо на берегу Чудского озера в рыбацкой деревне отдых устроим? В том же Чёрном посаде³. Большое, богатое село, к тому же старообрядцами нашими заселённое.

– На ночлег да, встанем, а вот дневку делать не будем. – Егоров покачал головой. – Спешить нам нужно, Александр Павлович, апрель начинается, нужно поскорее на песчаный путь из болотистых лесов выбираться, а то сильные дожди хлынут – и точно завязнем.

– Так-то да, это верно, – согласился интендант. – Обозные жаловались, что тяжело последние два дня шли, пришлось даже стрелковым ротам им помогать. По Нарве всё понятно, ваше превосходительство, но я Колеганову всё же скажу, чтобы он со старостой и в Чёрном

³ С 1921 года эстонский город Муствэе.

посаде встретился. Пусть старообрядцы хотя бы хорошую ночёвку полку устроят? Горячим домашним егерей накормят, тем же рыбным, места ведь там уловистые. А рыбу местные в погребах-лédниках ажно до самого июля хранят.

– А вот это пожалуйста, пусть договаривается, – сказал Алексей. – Заплатим сколько нужно.

После двух дней отдыха полк покинул Дерпт и двинулся вдоль западного берега Чудского озера. Дорога здесь шла по песчаной гряде, поросшей редким сосняком. Справа, за деревьями, то и дело открывалась широкая свинцово-серая гладь. Озеро ещё стояло подо льдом, но тот уже сильно потемнел, набряк вешней влагой и отошёл от берегов полосами мутной воды. Холодный ветер гнал вдоль кромки белую ледяную кашу, скрежещущую о прибрежные камни. У самого горизонта белёсое поле сливалось с низким небом, и лишь редкие очертания далеких рыбацких деревень на мысах напоминали о том, что жизнь в этих суровых краях всё же теплится.

– Красиво, – негромко произнёс ехавший в строю конно-егерского эскадрона Пятков. – Прямо как у нас под Новгородом. Те же сосны, тот же мох на камнях, та же красота необъятная. Только озеро, пожалуй, тут побольше батюшки Ильмена будет, хотя кто его знает, тот ведь тоже преогромный. Хорошие места.

– А то, – отозвался Голованов. – Земля-то теперь нашинская, пусть и Лифляндия. Их благородие сказывает, что при царе Петре Алексеевиче она ещё расейской стала.

К вечеру шестого дня пути впереди, над крутым обрывом Наровы, показалась серая громада Длинного Германа. Крепость, помнившая датских рыцарей и шведских королей, грозно высилась над переправой, а напротив неё, на русском берегу, скалились зубчатые стены Ивангорода. Тракт, раскисший от весенней оттепели, превратился в сплошное месиво из песка и колотого льда, но едва впереди замаячили бастионы, егеря словно забыли о пройденных верстах. По рядам пронеслось бодрое: «Подтянись! Гвардия входит!» На высоких валах, возведённых ещё шведами, уже толпился местный гарнизон, с любопытством разглядывая подошедший к городу полк.

Егеря входили в Нарву под колокольный звон Спасо-Преображенского собора. Сапоги гулко топали по мокрой мостовой, перекрывая скрип телег. За год в Италии и Швейцарии гвардейское сукно выгорело и продралось на скалах, а долгий марш через немецкие земли и Польшу превратил мундиры в латаную ветошь.

Горожане смотрели молча. Купцы и ремесленники провожали глазами заросшие, тёмные от загара лица и порыжевшие плечи егерей. Полк шел в обносках, но ногу держал ровно. Топот тысяч ног глухо отдавался от каменных стен домов.

У ратуши генерал Егоров спрыгнул с седла и махнул рукой, приказывая разводить людей. Полк распределили по бастионам «Виктория» и «Гонор». Когда егеря втянулись под сырые своды и свалили ранцы на солому топчанов, над рекой уже стемнело. Две крепости по берегам реки Наровы стояли друг против друга, как два преогромных куска серого камня.

В каземате бастиона «Виктория» гудела большая печь, встроенная прямо в толщу стены. Открытая дверца топки бросала мечущиеся отблески на каменные своды, выхватывая из темноты обветренные лица егерей. Пахло прелым деревом старых нар, гарью и сырой известкой, которую не мог изгнать даже жаркий огонь.

Горшков привалился спиной к тёплой кладке и, вытянув гудящие ноги, неспешно пропущал через пальцы ремешки патронной сумы, проверяя, не подгнили ли нитки. Работа была привычная, почти бессознательная, дававшая отдых голове.

– Ну и стены же тут, – Кузька повёл плечами и поёжился, глядя, как пляшут тени в углах. – Толстенные, будто в могилу залез. В Альпах на перевалах, помните, как ветер до костей пробирал, а тут вроде и закрыто, а холодом от стен тянет, как из склепа.

– Сырость, – коротко отозвался Южаков, перебирая в заплечнике. – В ней всё дело, Кузьма, она веками тут копилась. Швед-то стену клал на совесть, в полторы сажени толщиной, да только известка здешняя воду пьёт, как голь кабацкая. Тут не то что шинель, и кости за ночь отсыреют. Гляди, вон как углы «плачут» – к утру под спиной не сухая солома будет, а болотина.

– Не, Ваня, – перебил его Калюкин, ковыряя ногтем белый налёт на шве, – это не известка виновата. Это просол. Стены эти морской солью насквозь пропитаны, её сюда с моря тянет. Оно-то тут совсем рядом. Я в девяносто четвёртом в похожем каземате на посту стоял – к утру мундир весь седой стал, будто в муке валялся.

– А как же Петр-то царь-батюшка шведа здесь бил, а? – Кузька снова обвёл глазами каземат, словно пытался представить себе грохот осадных орудий. – Выходит, прямо вот по этим стенам ядрами садили? А им-то хоть бы хны, так и стоят.

– По этим-то замковым стенам стрелять без толку было, – поправил его Горшков, откладывая суму в сторону и берясь за моток дратвы. – Наши пушкари по выносным бастионам били, что впереди города стоят. Целых два месяца, говорят, колотили, пока каменную одежду на валах в щебень не разнесли и брешь не пробili. А вот как хороший пролом открылся – тут уж наши медлить не стали. Пять пушек разом ухнули, дали сигнал, и пошли полки на приступ. По лестницам на вал взлетели, штыками шведа с бастионов посшибали да ворота топорами изнутри разнесли. Меньше чем за час вовнутрь ворвались! Сам царь Пётр посреди Нарвы с обнажённой шпагой скакал, гнев свой вымещал за старую обиду. Так что эта крепость, считай, сначала чугуном русским разбита, а после – солдатской злостью да штыком взята.

Он помолчал, затягивая узел на дратве, и добавил негромко:

– Тут, считай, гвардии нашей и есть колыбель. Так что мы не в гостях – мы у своих корней как бы ночуем. Ты, Кузьма, это помни, когда завтра на караул встанешь. Обмозгуешь, представишь, как оно было, – глядишь, и часы быстрее пролетят.

Горшков на мгновение прервался, проверяя пальцем натяжение нити, и глянул на молодого егеря.

– Слышал, небось, отчего у преображенцев отвороты на сапогах красные, а прежде и чулки такие же были? Это всё отсюда, из-под этой самой Нарвы пошло. В первый-то раз, ещё в семисотом году, когда швед нас крепко прижал и армия побежала, одна только гвардия не дрогнула. Встал преображенский полк вот так же у реки в каре, штыки выставил и стоял насмерть. Говорят, кровящи тогда под ним столько натекло, что солдаты по колено в красном стояли. Вот царь-батюшка и приказал им в память о том деле чулки сменить с зелёных на кровавые. Чтобы всяк видел: гвардеец скорее в своей крови захлебнётся, чем шаг назад сделает. Так что стены эти, брат, – они, считай, нашей, солдатской кровью окрашены.

– Ишь ты... – Кузька невольно глянул на свои ноги, обутые в стоптанные сапоги. – По колено, значит...

– По самое не балуй, – отрезал Горшков, возвращаясь к дратве. – Так что ты на посту не дремли. Тут под каждым камнем у Нарвы наш брат лежит, присматривает, как мы службу правим.

В дальнем углу каземата Филимон, сидя на корточках перед большим артельным котлом, помешивал варево длинной деревянной палкой. От котла тянуло густым духом разварной крупы и солонины. Рядом с ним Дорофеев деловито резал на ломти ковригу чёрного ржаного хлеба, раскладывая их на чистой холстине. Нож ходил ровно, с хрустом, и от каждого ломтя тянуло кисловатой теплотой – коврига была свежая, только недавно испечённая. Артель зашевелилась, потянулась к котлу. Ужинали молча, сосредоточенно, подбирая мякишем остатки каши на дне. В каземате стало тихо, лишь потрескивали дрова в печи да изредка стучала о толстую стенку ложка.

Ночь прошла спокойно. Караулы сменялись по установленному порядку, сопели и похрапывали на топчанах роты, перекрикивались часовые на стенах, а в бойницах старого бастиона гудел дующий с Балтики порывистый ветер.

Ранним утром седьмого апреля, едва над Нарвой разлился благовест к заутрене, полк уже построился у ворот Ивангорода. Над рекой стелился плотный молочный туман – такой густой, что с крепостного моста не видно было другого берега. Но едва голова колонны миновала предместье и выбралась на большак, как пелена разошлась, уступив место ясному, погожему утру. Дорога, мощенная битым камнем ещё при шведах, была сухой; колёса обозных повозок стучали по ней мелко и весело. Егеря, выспавшись под каменными сводами, шагали бодро; даже вечные ротные ворчуны помалкивали. Впереди лежал Ямбург – последний крупный пункт перед столицей, а там, за ним, и сама Семёновская площадь.

До Санкт-Петербурга оставалось каких-нибудь полторы сотни вёрст.

Глава 3. У государева порога

К полудню тринадцатого апреля впереди, за излучиной реки Луги, показались серые слободские кровли. Ямбург встречал полковую колонну мокрым ветром с залива – порывистым, солёным, насквозь пропитанным балтийской сыростью. Дорога здесь уже не петляла среди болотистых низин, как под Нарвой, а шла по плотному песчаному гребню, и полковые повозки катили ходко, почти не оставляя колеи. Около плашкоутной переправы пахло речной тиной, дымом смолокурень с восточных окраин и ещё чем-то неуловимым, что бывает только в устьях больших рек, словно сама земля здесь дышала близостью моря.

Городок был невелик, но устроен ладно. Ещё при покойной императрице, когда Ямбург стал уездным, его перепланировали по единому образцу: прямые улицы расходились лучами от рыночной площади, а на северной окраине, у самого берега, стояли те самые армейские магазины – огромные каменные казённые амбары, крытые почерневшей от времени дранкой. За ними тянулись приземистые казармы, выстроенные для постоя проходивших здесь войск. Место было хлебное и для армии привычное: через Ямбург уже восемь десятков лет шли на запад и возвращались обратно русские полки, и здешние обыватели давно привыкли к топоту солдатских сапог и скрипу обозных колес.

Квартирмейстеры, высланные вперёд ещё от Нарвы, встретили колонну у заставы и провели роты к заранее отведённым корпусам. Разместились споро, без толкотни. Едва сменив походный мундир, генерал Егоров собрал офицеров на совет.

В тесной комнате каменного флигеля, где разместился штаб, было людно и душно. С крючьев под потолком свисали шинели. За единственным оконцем, затянутым слюдой, глухо шумела река. Народу набилось так много, что сидеть пришлось впритирку. Милорадович устроился на лавке у двери, вытянув натруженные ноги, Гусев пристроился с краю с неизменной картой, Rogozin мямл в пальцах карандаш, ожидая, когда шеф полка начнёт. Перешептывались между собой батальонные командиры, Вьюгов притулился в углу около капитана Воронцова, прижимая к коленям ящичек с инструментом.

Алексей оглядел всех и начал без долгих предисловий:

– Господа, Ямбург это наш последний рубежный пункт на пути к столице. Дальше только лишь Стрельна и Нарвская застава, а за ней сам государь. Времени у нас не больше недели, чтобы привести полк в совершенный порядок. Самое первое – это обувь и мундиры. Александр Павлович, тут контроль на тебе и на ротных командирах. Второе – это оружие. Поручик Вьюгов, стволы ружей у егерей чтобы блестели, как кирасы на параде у кавалергардов. Третье – амуниция. Всё, что не по уставу, господа офицеры, – партикулярные ножи на ремнях, гренадные сумы, – егерям сдать вагенмейстеру в полковой обоз, под запись. Четвёртое – волчьи хвосты. Придётся снять, – он развёл руками. – Всё понимаю, но вы и сами, небось, помните, что три года назад государь про них сказал. Пятое – это заплечные мешки. Их заменить на уставные ранцы. Сергей Владимирович, вместе с Александром Павловичем рассчитайте, сколько нам провианта и фуража нужно на постой и на последний переход в столицу. Требование оформите в бумажном виде, я с ним сам к коменданту пойду. Попрошу его ещё и новой обувкой, и материей помочь. Гвардейских мундиров, я думаю, мы вряд ли на складах найдём, их только если в самой столице под единый казённый заказ потом шить, но хоть как-то поправить внешний вид нужно.

Егоров помолчал и заговорил опять, теперь голос его звучал глуше, но в тишине комнаты был слышен всякому:

– Знаю, братцы, – хлопот невпроворот. И знаю, что тяжело. Но больше всего меня сейчас тревожат даже не мундиры. Александр Васильевич в Кобрине совсем в горячей лихорадке слёг. Государь даже своего лекаря к нему послал. И что там сейчас с Суворовым, одному Богу

ведомо. А ждали его ведь в столице, сами знаете, как ждали. Торжественная встреча, пушечная пальба, колокольный звон, иллюминация, всё готовили. Думали ведь, что он государю сам все отличившиеся в походе войска представит. А теперь...

Он замялся, подыскивая нужные слова. Но офицеры и так всё поняли. Кто-то тяжело вздохнул, кто-то перекрестился.

Живан подался вперед, опершись ладонями о край грубо сколоченного стола.

– Алексей Петрович, ежели без обиняков... Коли батюшка наш Александр Васильевич и впрямь так сильно занемог и не сможет нас государю представить – худо дело. Выходит, вам одному полк на смотр вести? Одному за всех ответ держать, когда сейчас за каждый не по уставу застегнутый крючок в Сибирь шлют?

– Выходит, мне. – Алексей лишь сильнее сжал кулаки. – Моя доля. Ничего, господа, прорвемся, небось не впервой. Делаем что должно, и будь что будет.

Тишина сгустилась. Первым её нарушил Rogozin. Он кашлянул в кулак, дождался, пока командир переведёт на него взгляд, и заговорил негромко, с той особенной почтительностью, с какой привык докладывать старшему по чину:

– Дозвольте, ваше превосходительство, хотел доложить по своей части, я уже тут пробежался, переговорил с местными интендантскими. И что получается: обуви на армейских складах кот наплакал – пары сапог чуть ли не по пальцам можно перечесть, и те ведь все дрянной выделки, их для рекрут оставили. Сукно, конечно, есть, его изрядно, но нам ведь на починку только светло-зелёное нужно, своего егерского окраса, а вот с этим как раз-то и трудности. Штуку только такого нашли, ну и в обрезках ещё немного. Гарусный шнур будет, золотой галун для нашивок тоже дадут, и галстуки всем егерям поменяем, они, кстати, как раз эдакий уставной вид придают. Ну и парик, без этого никуда, господа, – он обвёл взглядом присутствующих. – Сами знаете, каков строгий прусский порядок в этом деле у государя. За оружие не так спросит, а уж за уставную причёску он завсегда и по полной.

– Опять эти косы пудрить и букли вить! – послышалось со всех сторон. – Ещё вспомним вольности Итальянского, Суворовского похода! От чего ушли, к тому снова пришли! Пудра – не порох, букля – не пушка, коса – не тесак: я не немец, а природный русак!

– Тихо! Тихо всем! – Егоров хлопнул ладонью по столу. – Вы договоритесь сейчас! Дайте Александру Павловичу доложить!

– Так, дальше. Мела для беления ремней и глины белой – по полведра на роту будет, – продолжил, когда все замолчали, Rogozin. – Дёгтя полторы кадки пока нам дают, потом ещё добавят. Дратвы и воска – с гулькина нос, это придётся самим докупать у шорников. А вот мелочи всякой: кремней, игл, ниток – этого довольно. Артельные котлы все у нас и так целые, для готовки вполне хватает. Ну а уж походные котелки – их, конечно, лучше пока в обоз все сдать. С чем у нас худо, так это с конями, их в эскадроне совсем мало осталось, в Альпах ведь больше половины потеряли, и замены им пока никакой нет. Это только по ремонтному закупу в самой столице решать. Вальтрапы и вся эскадронная упряжь далеко не новая, хорошей починки требует, в общем так же, как и в ротах с амуницией. На всё исправление нам нужно время, неделя как минимум потребуется, чтобы полк в порядок привести. Так-то вроде всё у меня, ваше превосходительство, дозволейте идти? А то я мастеровых с города зазвал, несколько повозок срочно нужно поправить – боюсь, не доедут они до Петербурга, а тут жалко бросать.

Егоров согласно кивнул.

– На сегодня всё, господа, можете тоже быть свободны. Что делать – каждый знает, задача всем поставлена. О ходе подготовки своих подразделений к предстоящему смотру докладывать два раза в день, в полдень и перед вечерней поверкой.

Офицеры, задвигав лавками, потянулись к выходу. Последним, свернув и засунув в кожаный тубус карту, выходил Гусев. Уже в самых дверях он оглянулся и негромко сказал:

– И ещё, Алексей Петрович, слух прошёл из Петербурга. Ямщик один, что почту в Ригу вёз, рассказывал комендантскому фельдфебелю, будто на Николин день⁴ большой смотр готовят прямо на Царицыном лугу. Император, дескать, желает видеть всех разом – и гвардию, что при нём в гарнизоне стоит, и те полки, что из Итальянского похода воротились. Большие торжества готовятся. Может, и обойдётся без придинок. Может, пронесёт?

– Дай-то бог, – отозвался Алексей, глядя на огонь свечи.

После побудки каждый занялся своим делом. Особых приказов не требовалось: люди не первый год носили мундир и знали, что к смотру приводить в порядок, а что лучше прятать с глаз долой.

Дозорная рота, расположившаяся на солнышке за провиантскими складами, работала молча. Отделение Соловьёва сидело в кружке на расстеленном пологе, разложив на коленях свои пожитки. Ефрейтор, привалившись спиной к стене склада, протаскивал дратву через лопнувший задник сапога. Игла ходила туго, задубевшая кожа скрипела, и он время от времени смачивал нитку слюной, чтобы легче скользила. Рядом Комов, пристроившись на перевёрнутом бочонке, подбивал молотком подмётку.

Пастухов Семён устроился тут же, у самого края полога, пристроив штуцер на коленях. Он выкрутил два боковых винта и снял замок. Механизм вышел из ложи легко – дерево притёрлось за долгую службу. Уложив его на расстеленную ветошь, Семён начал счищать щепкой серый нагар, скопившийся за боевой пружиной и в пазу под шепталом, куда не добирался ранее. Закончив, проверил курковой винт и остроту кремня. Свинцовая прокладка в губках держалась надёжно, насечка не забилась. Оттянув курок и отпустив его раз-другой, он убедился, что пружина ходит плавно, без заеданий. Потом откинул крышку полки, прочистил запальное отверстие протравником, смахнул сухой тряпицей крупы нагара и, достав из поясной сумки баночку с костным маслом, пустил по капле на ось курка и на шарнир огнива. Вставив замок обратно в ложу и затянув винты, взвёл курок и нажал на спуск – щелчок вышел сухой, чёткий.

– Не сдаёт, – негромко произнёс егерь, откладывая штуцер в сторону.

Комов, не прерывая работы, покосился на него:

– Чего там у тебя?

– Да гляжу, нагар скопился под шепталом, спуск тяжелее стал. Теперь в порядке.

Игнат кивнул и снова взялся за молоток, а Пастухов потянулся за подсумком. Работа шла своим чередом.

Рядом, сопя, Ходкевич неторопливо смазывал конопляным маслом фузею, прогоня шомполом промасленную ветошь по стволу. Дроздов возился с патронной сумой, меняя лопнувший ремешок на новый, вырезанный из обрезка сыромятной кожи. Митроха, самый молодой в отделении, старательно наводил чернь на кожаную перевязь. Он втирал густую смесь воска и сажи в ремень, пока его кожа не начинала тускло отливать маслянистым блеском, и время от времени косился на старших.

Остальные приводили в порядок мундиры: накладывали заплатки на протёртые локти, пришивали оторванные пуговицы к обшлагам, поправляли разошедшиеся швы, стараясь класть стежки помельче. Все были при деле.

Третий час работы шёл ровно, без суеты. Изредка кто-нибудь перебрасывался короткими фразами: просил одолжить шило, спрашивал про запасной кремень, делился щепоткой мела или глинки для чистки. Солнце пригревало, и некоторые уже скинули мундиры, оставшись в одних рубахах.

⁴ В 1800 году приходился на 9 мая.

Из-за угла складского здания показался Лужин. Завидев фельдфебеля, работавшие на пологе разом отложили инструмент и поднялись. Никто не вытягивался в струнку и не таращил глаза – Фёдор Евграфович не любил показного усердия, – но и сидеть, когда перед тобой стоит самый старший и уважаемый унтер-офицер роты, не полагалось.

Соловьёв одёрнул рубаху и шагнул навстречу.

– Господин фельдфебель, отделение за работой в полном составе!

– Вольно, вольно, продолжайте, – произнёс тот. – Нечего тянуться, чай, не на смотре, садитесь. Что, Ваня? Работа идёт?

– Идёт, Фёдор Евграфович, – подтвердил Иван. – Так-то мы и на дневках в Дерпте и Нарве починялись, но не всё же так просто поправить, что-то так износилось, что проще выкинуть.

– Обожди выкидывать, – нахмурился Лужин, – для всякой вещи свой срок службы положен. Так что хоть и делано-переделано, а чтоб при себе было. Вот как только армейское интенданство позволит менять, тогда уже всё, а пока чиним. Управитесь к сроку-то?

– Так точно, Фёдор Евграфыч, – кивнул Соловьёв. – Люди стараются. Ежели неделя, как было сказано, дадена будет, тогда уж точно управимся, не сумлевайтесь.

– Ну уж не неделя, а как бы не пять дней, – хмыкнул фельдфебель. – Неделя это в самом лучшем случае, а так уж сильно не ободряйтесь. В общем, к сроку чтобы всё блестело, Ваня. Та-ак, а почто это хвосты с шапок не спороты? Я же говорил: в мешки все убрать. И мешки эти сменить на ранцы уставные. Парики с пудрой и новые галстуки получить. Императорский смотр – не шутка.

По сидящему на пологе кружку егерей пробежал лёгкий ропот. Соловьёв цыкнул своим и повернулся к командиру.

– Мы же, Евграфыч, только приступили, за один раз всё никак ведь не поправишь. А хвосты жалко, они особая гордость для ребят, но коли такой приказ есть – спороты будут, мешки тоже заменим, ножи с ремней уберём. Всё в уставной порядок приведём к сроку.

– Смотрите у меня. – Лужин строго оглядел каждого сидящего и задержался взглядом на Митрохе, который, прислушиваясь к разговору, слишком усердно тёр одну и ту же лямку. – До дыр не протри! – буркнул фельдфебель. – Так, орлы, слушай мою команду. К вечернему построению на ремнях – только казенное оружие. Никаких неуставных ножей на вас быть не должно, и хвосты с касок долой! Старые заплечники – сдать интендантам, вместо них у каждого новые ранцы за спиной сидеть должны. Пуговицы – на свои места, и чтоб огнём горели, а обувь – как зеркало! Мы в Нарве перед самой столицей стоим, почитай, у государева порога. Позорить полк не дам! Понятно?!

– Так точно, – негромко, но слитно отозвался добрый десяток голосов.

Лужин ещё раз обвёл всех взглядом и, ничего не добавив, зашагал дальше вдоль пакгауза – проверять соседние отделения. За его спиной снова застучали молотки и закрипела дратва.

На второй день постоя к штабному флигелю в сопровождении полуэскадрона кирасир подкатила большая лакированная карета с золочёными гербами на дверях. Алексей, рассматривавший у окна расходную ведомость, узнал вышедшего из неё сухощавого генерала с Андреевской лентой через плечо.

– Господи, смотри-ка кого к нам принесло, – произнёс он озадаченно. – Сам военный губернатор Санкт-Петербурга, граф Пален пожаловал. Живан, Сергей, за мной! Не гоже полного генерала, да ещё и фаворита императора, на улице заставлять ждать.

– Сми-ирно! – послышался крик стоящего у входа часового.

– В каком виде в карауле стоишь, дуралей?! – донёсся недовольный голос. – Кто таков?!

– Егерь Лошкарёв! – прозвучал ответ в тот момент, когда офицеры уже выскочили за порог.

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство! – воскликнул, улыбаясь как можно более радушно, Алексей. – Не имел чести знать о вашем прибытии, не то непременно бы ещё на подъезде к городу встретил.

– Полноте, к чему такие церемонии, генерал, – скривился в улыбке Пален. – Я ведь к вам по спешному делу. Алексей Петрович, у вас что, все в таком виде? – Он кивнул на замершего по стойке смирно часового. – Гвардеец! А в инвалидных командах и то лучше выглядят. Выпороть бы его за такой вид, да гляжу, аннинская медаль на груди.

– Пётр Алексеевич, приводим людей в порядок, – пояснил Егоров. – Ну сами посудите, какой поход был. Может быть, вы походитаете перед кригс-комиссаром, более половины ведь от потребного в армейских магазинах здесь нет. Шинели уберём, с этим повременить можно, а вот с сапогами, со всей амуницией и мундирами совсем беда.

– Кригс-комиссар... – Пален недовольно сморщился. – Не всё так просто, Алексей Петрович. Осипа Михайловича (де Рибаса) с февраля месяца генерал-лейтенант Борщов на сей должности сменил. А это такой человек непростой, я вам скажу, не зна-аю, – покачал он в сомнении головой. – Со временем-то всё, конечно, решится, но вот этого самого времени у нас как раз таки сейчас и нет. Потому-то и приехал к вам. Сейчас всё сами узнаете.

– Командир полка и заместитель по квартирмейстерской части, – кивнул на стоящих рядом Милорадовича и Гусева Алексей. – Позвольте им присутствовать?

– Пусть будут. – Пален окинул взглядом вытянувшихся по стойке смирно офицеров, зацепился взглядом за горящие на груди кресты и зашёл в открытую дверь.

– Ваше высокопревосходительство, я распоряжусь, сейчас чаю нагреют, – произнёс, пропуская высокое начальство вперёд, Алексей. – Десять минут.

– Не стоит, – отмахнулся Пален, – мне у коменданта накроют, я к нему загодя вестовых послал. Потом дальше ехать, кроме вашего ещё ведь полки на подходе, это вы вперёд всех, как обычно, бежите. Итак, к делу. Государь император желает видеть ваш, господин генерал, полк в самом Петербурге и как можно скорее. Вам предписано прибыть к Нарвской заставе не позднее пятнадцатого апреля.

Он протянул Егорову сложенный лист с сургучной печатью.

Алексей вскрыл пакет и, пробежав глазами строки, молча вернул бумагу.

– Ваше высокопревосходительство, мы полагали, что нам дадут время подготовиться, и что представляться полк будет при генералиссимусе Суворове, – произнёс он ровно.

Пален помедлил.

– Генералиссимус сейчас в Кобрине, – процедил он негромко, – сильно болен. Государь отправил к нему лейб-медика Вейкарта. И была надежда, что к вашему приходу он будет в столице.

Он выдержал короткую паузу и добавил, ещё более понизив голос:

– Император крайне озабочен слухами, которые ползут по армии. Будто Суворову грозит опала. Будто торжественный смотр и вовсе отменён. Так вот – всё это вздор. Его величество ценит верных ему генералов. Вы ведь тоже входите в их число, Алексей Петрович?

– Я присягал государю императору, – сухо, по-уставному, ответил Егоров. – Служу верой и правдой, как того требует долг.

Пален кивнул, и на его тонких губах промелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

– Вот и славно. Именно это я и хотел от вас услышать.

Он развернулся и направился к выходу. Егоров и штабные последовали за ним. Уже у кареты Пален обернулся и понизил голос, чтобы его слышали только провожающие:

– В столице сейчас очень ветрено, Алексей Петрович. Мой добрый совет вам: когда будете на площади, смотрите только на государя. И ни о ком более при нём не поминайте, даже если сердце просит. Вы понимаете меня?

Алексей выдержал паузу, не отводя взгляда от графа:

– Понимаю, ваше превосходительство. Благодарю за совет.

Пален ещё пару секунд изучал его лицо, словно проверяя, точно ли услышано всё то, что не было сказано вслух, и коротко кивнул. Лакированная дверца захлопнулась. Когда карета скрылась в пыли, Алексей повернулся к Милорадовичу и Гусеву.

– Слыхали? – негромко спросил он.

– Слышать-то слышали, – отозвался Живан, хмурясь. – Только о ком это он? О Суворове? Или ещё о ком?

– Да о ком о ком, конечно о Суворове! – Гусев поправил темляк на сабле. – Больше не о ком. Видать, и впрямь государю нашептали такого, что имя Александра Васильевича теперь при дворе лучше вслух не произносить. Что-то здесь нечисто, господа. Что-то тут такое есть. Потому-то, видать, и гонят нас в столицу, не дожидаясь остальных войск.

– Вот и я о том же, – кивнул, соглашаясь, Алексей. – А раз так, значит, идём и молчим. Наше дело сейчас – это наш полк. Как сам Суворов говаривал: «политика – тухлое яйцо»? В неё не лезем. Всё, господа. Сергей Владимирович, в комендатуру за подводами. Истребуй всё, что движется. Небось не откажут, коли сам Пален приехал торопить. Вот на него и ссылайся. Несколько дней у нас отобрали. Значит, выступаем завтра как можно раньше. Живан Николаевич, убедись лично, чтобы в роты выдали весь запас воска и сажи. При заходе в столицу всё в колонне должно блеснуть. Раз, как я понял, ни о каком смотре на Царицыном лугу речи пока не идёт, а погонят нас сразу на Семёновский плац, то там на месте ещё успеем подправиться по-быстрому. Главное – пусть у каждого егеря при себе запас для ухода будет. Сергей Владимирович, до Стрельны четыре перехода, – повернулся он к Гусеву, – на каждом привале нужно проверять, как работа идёт. Батальонным и ротным командирам передать: в дороге время не терять – чистить, подшивать и подгонять. Всё. Идите.

Милорадович на секунду задержался, словно хотел что-то сказать, но, встретив взгляд Алексея, лишь коротко кивнул и вышел вслед за Сергеем.

В четыре утра над Лугой протрубил рожок и забили побудку ротные барабаны. Уже через час большая колонна втянулась на столичный тракт. Сто двадцать вёрст до Санкт-Петербурга – и каждая верста, каждый малый привал теперь были сроком для последних приготовлений. Впереди, в головном дозоре, маячили конные егеря Воронцова. За ними шла рота Осокина и потом стрелковые батальоны. А позади, в самом хвосте колонны, тянулись обозные повозки, гружённые провиантом, фуражом и походными мастерскими со всем припасом для спешного ремонта амуниции.

В ротах на ходу перебрасывались короткими командами: «Подтяни лямку!», «Ремень поправь, сбился!», «Шаг держать!». Люди шли молча, приберегая силы. Каждый понимал: времени на отдых больше не будет. Всё, что не успели в Ямбурге, придётся нагонять на коротких привалах, при свете костров, своими руками.

Глава 4. Монаршее благоволение

К Нарвской заставе полк подошёл в полдень пятнадцатого апреля – как и было предписано. Солнце уже стояло высоко, заливая ярким светом столичный пригород. Впереди, у полосатой будки и бревенчатого шлагбаума, перегораживающего тракт, дежурил большой караул – не менее взвода измайловцев при унтер-офицере. Несколько часовых, опершись на фузеи, стояли у дорожных рогаток; остальные, пользуясь затишьем, отдыхали в двух парусиновых палатках, разбитых тут же, на обочине. Завидев приближающуюся колонну, унтер – немолодой, с тремя нашивками за выслугу лет на рукаве – встрепнулся и зычно гаркнул: «Подъём, караул! Становись!»

Из палатки, на ходу застёгивая португую и натягивая треуголку, выскочил молоденький поручик. Он придиричливо всмотрелся в голову колонны. Узнав характерные чёрные суконные шапки егерей и зелёные мундиры, махнул рукой унтеру и поспешил навстречу.

– Ваше превосходительство! – Поручик вскинул ладонь к шляпе, подойдя к Егорову строевым шагом. – Лейб-гвардии Измайловского полка поручик Крытников! Имею честь доложить: о проходе вашего полка имеется запись в караульном журнале. Его высокопревосходительство, военный губернатор граф Пален, лично изволил оставить распоряжение о пропуске. Прикажете поднимать шлагбаум?

– Поднимайте, поручик, – кивнул Алексей. – Благодарю за службу.

– Рад служить, ваше превосходительство! – Крытников козырнул и обернулся к караульным. – Отворяй!

Двое солдат навалились плечами на жердину и отволокли в сторону. Путь на Петербург был открыт.

– Смирно! Равнение направо! – рявкнул унтер, прижимая алебарду⁵ к правому плечу. – На караул!

Город встретил егерей весенним солнцем, перезвоном колоколов и многолюдьем. Полк шёл через Нарвскую часть улицами, где в этот час кипела обычная столичная жизнь. Лавки и трактиры были открыты, лоточники на перекрёстках расхваливали свой товар, извозчики осаживали лошадей и прижимались к обочинам, пропуская колонну. Обыватели высыпали на тротуары и толпились у ворот, а из распахнутых окон с любопытством выглядывали жильцы, привлеченные топотом тысяч ног и блеском штыков. Столичная публика жадно ловила зрелище входящих в город войск. Ещё бы: гвардия возвращалась из самого дальнего похода, о котором в столице уже начали слагать легенды.

– Гляди-ка, гвардейские егеря! – слышалось из толпы. – Из-под самого Парижу идут!

– Какой там из Парижу?! Не дали им до Парижу дойти! Из итальянских земель идут! – поясняли самые знающие.

– Через Альпы прорывались, рассказывают, по большому снегу, без всяких дорог! Самый грозный французский генерал Массена их пленить хотел, да куда там, разбили его! Еле удрал!

– Вона чего! А рваные-то какие... Даже сапоги в заплатках. Но молодцы: шаг держат – любо-дорого!

– А этот, этот, чернявый с палёной мордой, у которого медали на груди! Вишь, как блесят?! Храбрец, небось, из первых!

Егеря, хоть и валились с ног после долгого марша, подобрались, расправили плечи и под ритм барабанов принялись печатать шаг так, что булыжник гудел под подошвами. Прохожие,

⁵ Унтер-офицерская алебарда образца 1797 года – обязательный атрибут младших командиров павловской эпохи, представлявший собой длинное древко с навершием в виде топорика и полумесяца. В отличие от офицерских эспонтонов, алебарда служила не только для отдачи чести, но и для выравнивания шеренг в строю. На наконечнике алебарды обычно гравировался государственный герб или вензель императора, подчеркивающий принадлежность к гвардии.

заслышав этот мерный, тяжёлый топот, умолкали и снимали шляпы. Пусть мундиры заштопаны, сапоги в заплатах, а лица серые от усталости – но сейчас они шли по своей столице. Победители.

– Подтянись, братцы! – разнеслась по рядам команда. – Гвардия идёт! Чётче шаг!

На Семёновском плацу их уже ждали. Огромная площадь, освобождённая для торжественного смотра и лишённая в этот час всякой жизни, простиралась от кордегардии до самых казарм тёмным, влажным после утренней мороси булыжником – настоящее каменное поле, способное вместить целую дивизию. Только у гарнизонной гауптвахты, возле двух полевых пушек, маячили фигуры караульных; всё остальное пространство было пусто. Проходящие батальоны сами заполняли эту пустоту – сперва мерным топотом сапог, потом гулом сотен голосов, и плац оживал, превращаясь из безлюдного, глухого пустыря в сердце гвардейского Петербурга.

Полк втянулся на самую середину и начал разворачиваться в линию. Били барабаны. Рота за ротой занимали отведённые им места. Конный эскадрон выстроился на правом фланге. Солнце, поднимаясь над золотыми шпилями Санкт-Петербурга, играло на начищенных до блеска ружейных стволах и медных пряжках амуниционных ремней, но чем ярче становился свет, тем заметнее проступали следы долгого похода: вытертое сукно, заплаты на локтях, изодранные и подшитые голенища сапог.

Едва колонна замерла на месте, по шеренгам пробежала команда:

– Вольно! Поправиться!

И началась та особая, молчаливая суета, знакомая каждому, кто хоть раз стоял в строю перед императорским смотром. Егеря, не сходя с места, принялись приводить себя в порядок. Из подсумков и ранцев были вынуты суконки, мелкие щётки, воск и мел. Служивые натирали до блеска медные пуговицы и пряжки, смахивали дорожную пыль с обшлагов, одёргивали мундиры и расправляли муаровые ленты медалей. Кое-кто из самых запасливых доставал хлебный мякиш и, скатав его в плотный шарик, ловко проходил им по тёмному сукну – грязь отставала, и мундир заметно светлел. Другие, послушав палец, тёрли им засохшие пятна и тут же затирали это место суконкой. Офицеры, прохаживаясь вдоль шеренг, зорко оглядывали подчинённых, и то тут, то там слышалось:

– Ремень подтяни! Южак, у тебя амуниция сбилась.

– Лошкарёв, пуговицу на рукаве поправь – криво сидит.

– Никитин, аннинский бант разгладь!

– Всем сапоги воском пройти и растереть, чтобы блестели!

Егоров, выйдя на середину строя, оглядел шеренги, всмотрелся в знакомые лица. Усталые, осунувшиеся и обветренные, но спокойные. Каждый из стоящих здесь прошёл своими ногами через Италию и Альпы. Каждый потерял кого-то из друзей в долине при Треббии или на горных перевалах. И каждый выжил на этой войне, чтобы стоять здесь, на этом продуваемом невским ветром плацу.

Ожидание затянулось. Солнце, перевалив за полдень, теперь светило прямо в глаза, заставляя егерей из-под насупленных бровей всматриваться в пустую даль плаца. Начищенные стволы фузей и медные бляхи амуниции слепили ровным, тяжёлым блеском, а холодный ветер с Невы бесцеремонно трепал перья на офицерских треуголках и полы суконных мундиров. Алексей стоял впереди полка, не шевелясь и глядя перед собой; за его спиной так же неподвижно замерли шеренги его гвардейцев. Ноги от долгого стояния на одном месте наливались свинцовой тяжестью, но площадь всё так же пустовала, сохраняя напряжённое безмолвие. И вдруг в этой тишине со стороны Семёновского моста донёсся сухой, дробный цокот копыт. Сначала он был почти неразличим за шумом ветра, но с каждой секундой становился всё чётче и ближе, и по рядам прошло едва заметное движение – полк подобрался и замер, ожидая команды.

На площадь, сверкая начищенными кирасами, вылетел эскадрон кавалергардов. За ним показалась открытая коляска императора. Павел сидел прямо, неподвижно, как изваяние. В свите, следовавшей верхами, Алексей разглядел несколько знакомых лиц: суровый лифляндец, генерал-адъютант граф Ливен; флигель-адъютант полковник князь Долгоруков, которого Алексей помнил ещё по турецкой кампании; грузный, с Александровской лентой через плечо, обер-камергер граф Шереметев; ещё несколько гвардейских офицеров и штатских чинов. И чуть поодаль, на гнедом жеребце – сухощавый генерал с голубой Андреевской лентой. Пален. Тот самый, что наведалься в Ямбург.

Император сошёл с коляски у самых шеренг. Окинул мимолётным взглядом фигуру генерала и несколько секунд молча разглядывал замершие роты. Лицо его, с резкими, словно вырубленными чертами, оставалось неподвижным.

– Ваше императорское величество! – Алексей, приложив ладонь к шляпе, шагнул навстречу. – Лейб-гвардии Егерский полк к смотру построен! Шеф полка генерал-майор Егоров!

Павел коротко кивнул, принимая доклад, и молча, заложив руки за спину, двинулся вдоль строя. Алексей, как и подобает командиру, последовал за ним, держась в двух шагах позади.

Император шёл медленно, цепко оглядывая шеренги. Поравнявшись со второй ротой, он вдруг **остановился и вперил острый, оценивающий взгляд** в крепкого егеря с аннинской медалью на груди.

– За что получил? – негромко спросил он.

– За Треббину, ваше императорское величество! – рявкнул тот, вскинув подбородок и замирая в такой глубокой неподвижности, что казалось, у него перехватило дыхание.

Сухая выправка солдата была безупречной: плечи развернуты, фузея замерла в положении «на караул» точно по уставу, а взгляд преданно и твердо устремлён прямо перед собой. Павел удовлетворённо прищурился, задержав взор на опалённом солнцем лице. Потом коротко кивнул и двинулся дальше. Через несколько шагов он вновь остановился – на этот раз перед щуплым, невысоким унтер-офицером, у которого на груди, среди прочих наград, блестела серебряная ромбовидная медаль на красной ленте. Император склонил голову набок, рассматривая.

– За Прагу? – скорее утверждая, чем спрашивая, глухо обронил он.

– Так точно, ваше императорское величество! – отчеканил унтер. – Жалован за труды и храбрость при взятии Праги!

Павел окинул его пристальным взглядом – от седых висков до заштопанных голенищ, – и в голосе его послышалось нечто похожее на уважение:

– Ага, вижу, турок бил, и за них медали, мятежных поляков усмирят, теперь ещё и Альпы прошёл... Старый воин. Суворовскую школу сразу видеть. – Он чуть повернул голову к следующему по пятам Палену и добавил, не меняя ледяного тона: – Жалую ему два рубля. И проследите, граф, чтобы к вечеру сей ветеран получил от меня чарку.

– Будет исполнено, ваше императорское величество! – громогласно откликнулся тот.

Павел двинулся дальше. Теперь он шёл быстрее, лишь скользая взглядом по шеренгам, – пока не поравнялся со Вьюговым. Взгляд государя задержался на его груди, где белел эмалевый крестик на чёрной ленте – знак ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

– Кавалерский? – Павел остановился, прищурившись. – Ещё и у поручика? – кивнул он на серебряный офицерский горжет с золотым гербом.

– Так точно, ваше императорское величество! – Семён вытянулся в струнку. – Поручик Вьюгов! Жалован Кавалерским крестом ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

– За что? – хмурясь, спросил Павел.

– За закрытие Апеннинских перевалов, ваше императорское величество! – рявкнул тот. – Дабы не дать войскам генерала Моро пройти на равнину!

– Вот как, – в голосе Павла мелькнул неподдельный интерес. – Ты, стало быть, эти самые перевалы и закинул?

– Так точно, ваше величество! Не один, с егерскими ротами, казаками и пионерами. Дали бой, потом подорвали скалы и завалили проход, чтобы француз не мог подтянуть подкрепления к Треббии.

– Все инженерные работы проведены под руководством поручика Вьюгова, ваше императорское величество, – вставил Алексей. – При подрыве зарядов камнепадом завалено не менее двух рот неприятеля. В полку за поручиком всё минное и артиллерийское дело, а также надзор за стрелковой подготовкой и состоянием оружия.

Император помолчал, оглядывая офицера с головы до ног. Потом покачал головой – не то с осуждением, не то с одобрением.

– Закинуть перевалы для целой армии – это генеральское дело. Но ты, поручик, справился. Молодец, господин капитан, поздравляю с новым чином! – И двинулся дальше.

– Покорнейше благодарю, ваше императорское величество! – звонко выкрикнул Вьюгов, всё ещё не веря в свою удачу и провожая взглядом удаляющуюся свиту.

Перед дозорной ротой Павел задержался снова. Окинул взглядом шеренги, отметил обветренные, обожжённые горным солнцем лица и заговорил, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Вот и они, волкодавы генерала Егорова. Как же, помню вас по прошлому смотру. Грязные стояли, в каких-то хвостах волчьих... А теперь я что-то тех хвостов и вовсе не вижу. Неужто потеряли в походе?

Вопрос был задан с явной иронией, но Егоров, не дожидаясь паузы, ответил чётко:

– Убрали, ваше императорское величество! Как было приказано по всякому неуставному. Павел обернулся. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на усмешку.

– Приказано, говоришь? – переспросил он. – А я слышал, что весь поход вы в них красовались. И француза пугали, и горных баранов. Что же теперь-то на плацу оробели? – Он помолчал и вдруг, неожиданно мягко, добавил: – Впрочем, за особую проявленную отвагу в Итальянском и Швейцарском походах жалую, чтобы и далее волчьи хвосты оставались бы особым знаком отличия у опытных егерей полка. Бог с вами, заслужили, носите. Но только тем, кто в бою себя показал! Молодым не давать – пусть прежде выслужат. Сами с этим, Егоров, разберитесь, и представьте мне рисунок, как тому отличию на форме быть.

– Будет исполнено, ваше императорское величество! – рявкнул Алексей.

По шеренгам прошел едва слышный вздох облегчения – полк единым порывом выдохнул. Но это секундное живое проявление выдал лишь тихий шелест обмундирования: лица егерей остались неподвижными, и строй мгновенно замер вновь, словно высеченный из камня.

Император меж тем во главе свиты двинулся дальше.

– Ранцы, вижу, уставные. А ведь я знаю: весь поход с заплечными мешками ходили. И сапоги резали, и мундиры укорачивали, и гренадные сумки на ремнях таскали. Всё знаю. – Он обернулся к Егорову. – Ты мне вот что скажи, генерал: отчего вы с уставами так вольно обходились? В чём резон?

Алексей вытянулся.

– Ваше императорское величество, в горах и на больших маршах уставное снаряжение не всегда сподручно. Ранцы своими лямками плечи режут, тяжелы, а входит в них мало. Сапоги с высокими голенищами ноги сковывают, по горам в них вообще хода нет, потому и укорачивали. Не для щегольства или поправки устава – для дела.

Павел чуть склонил голову к плечу – движение, каким он обычно предварял самые острые вопросы, – и пристально посмотрел на Егорова.

– Положим, с ранцами и сапогами я твою мысль уяснил. Но вот ещё что мне доносили: весь поход люди твои таскали на поясных ремнях ножи. Да не простые, а длинные, заточенные

с двух сторон. Устав такого вовсе не предусматривает, у вас ведь тесак для ближнего боя имеется. Отвечай, отчего самовольничали с оружием?

Алексей выдержал короткую паузу. Вопрос был опаснее предыдущих – здесь император касался уже не обмундирования, а боевого снаряжения, и ответ должен был быть безупречным.

– Ваше императорское величество, в горах, где приходилось действовать в рассыпном строю, тесак показал себя не с лучшей стороны, – произнёс он, собравшись с мыслями. – Длинный клинок бьёт по ноге при беге, гремит по камням, в кустарнике цепляется и с головой выдаёт скрытный дозор. А егерю в поиске или засаде каждый шорох враждебен – он сам должен быть тише тени. – Он перевёл дыхание и продолжил: – Нож на ремне сидит плотно, не звенит, не мешает при перебежках. В рукопашной свалке, когда сходились грудь на грудь, он оказывался сподручнее: с тесаком не везде развернёшься, а коротким клинком можно действовать быстро и точно. Французские шассёры, с которыми мы не раз сходились в Италии и Альпах, были вооружены ножами и кинжалами именно для такого боя. Неприятель не брезгует тем, что удобно в деле, так неужто нам отказываться от испытанного оружия? Осмелюсь заметить, ваше величество: это не своеволие, а потребность. Сама война сие подсказала.

Павел выслушал молча.

– Стало быть, считаешь, что и в уставе для егерей такое послабление прописать надобно? – спросил он, пристально вглядываясь в глаза Егорову.

– Никак нет, ваше величество, – мотнул тот головой. – Не послабление, а учёт того, чему научил опыт двух кампаний. Ежели дозволите, изложу всё в реляции отдельными пунктами.

– Излагай. Я прочту, – промолвил государь. – Может, и в других полках пригодится, мысль военная не стоит на месте. Пиши, генерал, и про ножи эти не забудь.

Алексей выдохнул, решаясь. Момент был редкий, в этот раз государь его слушал, не перебивая, и упускать такой случай было бы непростительно.

– Ваше императорское величество, дозволейте доложить ещё о двух видах оружия, кои в минувшую кампанию явили себя с наилучшей стороны, – произнёс он, собравшись. – Первое – это ручные гранаты.

Павел чуть поднял бровь, но промолчал.

– В полку ещё с турецких войн гранаты не выходили из употребления, хотя армейское начальство давно списало их в негодность. В горах же, где много пушек с собой не протащишь, они заменяли нам артиллерию. При штурме узких проходов или когда неприятель запирался в каменных строениях, бывало, и трёх-четырёх гранад хватало, чтобы выкурить его из укрытия и не класть людей в лобовой атаке. Солдаты промеж себя так и говорят: «Гренада – тот же штык, только на сорок шагов длиннее». Осмелюсь заметить: было бы разумным сохранить их на вооружении егерей, как карманную артиллерию, а не сдавать в арсеналы за бесполезностью.

Павел смотрел на него всё так же пристально.

– Тот же штык, говоришь, только на сорок шагов длиннее? Что ж, мысль ясная. Но я слышал, что гранаты ваши небезопасны. Что они взрываются в руках и калечат солдат. Так ли?

– Взрываются в руках у тех, кто не обучен с ними обращаться, ваше величество, – ответил решительно Алексей. – У нас в полку гранаты доверяют лишь опытным егерям после особого научения. Каждый знает, как отмерить фитиль, как высечь искру и поджечь. Когда метать. За две последние кампании ни одного несчастного случая. Всё дело в выучке. А сколько раз они нас выручали.

– Хорошо, напишешь в реляции и об этом, – сказал Павел. – Подробно: как учили, как применяли, какие результаты. Я распоряжусь, чтобы в артиллерийском департаменте рассмотрели.

– Слушаюсь, ваше величество! – воскликнул Егоров. – И ещё одно, если дозволите. Горные гаубицы.

– Гаубицы? – поднял брови государь. – У тебя же в полку нет своей артиллерии. Откуда?

– Трофейные, ваше величество, – пояснил Алексей. – Французские, облегчённые – грибовалевской системы. Три штуки мы захватили под Чевой, в Апеннинах. Орудия разборные: ствол отдельно, лафет отдельно. Трёх мулов со всеми частями подогнали, разгрузили – и орудие на позиции. В Альпах без них пришлось бы худо. Обычную полевую пушку по тем кручам не протащишь, а эти шли с нами через все перевалы. Картечью в упор били накоротке, а где нужно, то и навесным огнём, за скалой неприятеля доставали. Жаль только, все три при переходе потеряли: мулы сорвались в пропасть. Но опыт об удобстве сих орудий остался.

Павел выслушал молча. О горных орудиях он знал: ещё будучи наследником, следил за тем, как Франция и Австрия испытывают лёгкие разборные пушки. Но одно дело – полигон, и совсем другое – война в таких горах, где артиллерии, по общему мнению, не место вовсе.

– Ты говоришь, они шли с вами через перевалы? Через те самые, где мулы срывались?

– Так точно, – подтвердил Алексей, – разобранными, на особых выюках. На позиции орудие собиралось буквально за четверть часа. Французы не ждали нашего огня в таких высотах. Без гаубиц мы потеряли бы гораздо больше людей.

– Что ж, вижу, не зря тебя Суворов хвалил, – промолвил задумчиво император. – Умеешь не только воевать, но и выводы как лучше делать. Пиши реляцию, генерал. Всё, о чём говорили, подробно и по пунктам. Я распоряжусь, чтобы военная коллегия рассмотрела без проволочек. А гранаты твои и гаубицы опиши особо. Может, и впрямь пригодится.

Он сделал ещё несколько шагов вдоль строя, окинул взглядом конных егерей, задержался на истёртых вальтрапах и сёдлах.

– А вот вальтрапы у вас не по уставу подогнаны. И сёдла, я гляжу, не те, что должны быть.

– Так точно, ваше величество, – ответил Егоров. – Коней в походе потеряли больше половины, дополняли трофейными. Сбрую чинили как могли.

– Знаю. – Император на мгновение обернулся к свите: – Новую упряжь и коней полку – сколько подходит. Пометьте у себя. И введите в штаты этот эскадрон, а то я помню – исключали. Пусть будет.

Кто-то из генерал-адъютантов склонил голову и сделал знак секретарю. Павел повернулся и пошёл обратно – туда, где стояла свита. И уже на ходу, не оборачиваясь, произнёс – громко, так, чтобы его слышали все:

– Молодцы! Не посрамили чести русского оружия. Два года назад я вам этого не сказал, и было за что. Теперь же говорю!

Он остановился посредине строя, обвёл взглядом шеренги и громогласно воскликнул:

– За беспримерный переход через Альпы, за доблесть в сражениях при Адде, Треббии и Нови, за верность долгу и Отечеству объявляю полку монаршее благоволение! Всем нижним чинам, участвовавшим в походе, повелеваю выдать премиальные в размере годового оклада. Офицерам, представленным к наградам, быть в Зимнем дворце в ближайший приёмный день.

– Ура! Ура! Ура-а! – ревели шеренги.

Павел переждал, когда шум затих, и повернулся к свите:

– Господа! Новое вещевое имущество и амуницию полку выдать без промедления. Приказываю военному губернатору и кригс-комиссару обеспечить всё потребное в кратчайшие сроки.

– Слушаем, ваше величество, – склонил голову граф Пален.

Ливен, стоявший чуть поодаль, сделал быструю пометку в книжечке, а Шереметев, грузно переступив с ноги на ногу, кивнул своим чиновникам. В свите зашевелились: столь прямое и недвусмысленное распоряжение означало, что проволочек император не потерпит.

Павел между тем вновь обернулся к Егорову и, понизив голос, произнёс уже без торжественности, почти по-домашнему:

– А ты, генерал, на следующей неделе ко мне. С подробным отчётом по всей кампании. Я полагаю, тебе нужно время, чтобы привести всё в порядок и подготовить бумаги. Недели хватит?

– Так точно, ваше императорское величество! Хватит! – гаркнул Алексей.

– Ну вот, предварительно передашь в военную коллегия, пусть ознакомятся, потом позову.

Император ещё раз окинул взглядом строй и, чуть кивнув в ответ каким-то своим мыслям, направился к коляске. Свита, повинаясь его резкому жесту, заспешила к лошадям. И вот тут над площадью разнеслось такое «ура», что кавалергардские кони пряданули ушами и заплясали на месте. Это была не просто уставная здравица. Глотки, привыкшие перекрикивать альпийские бури и грохот французских батарей, выдали такое троекратное, что стекла в жёлтых корпусах казарм отозвались тонким звоном.

– Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а! – летело над Семёновской площадью и городом.

Павел уже сидел в коляске, прямой и неподвижный. Он чуть помедлил и вскинул руку, отсалютовав коротко, по-военному. Потом что-то бросил кучеру, и коляска, мягко качнувшись, покатила к мосту вслед за эскортом. Свита поспешила за ней. Проезжая мимо, Ливен покопился на шеренги с тем особым, цепким выражением, какое бывает у штабных, привыкших всё подмечать, затем обернулся и коротко бросил что-то секретарю, ехавшему позади. Тот понимающе кивнул и потянулся к седельной сумке. Шереметев, грузный и краснолицый, одобритительно покачал головой. Несколько флигель-адъютантов, пользуясь тем, что император уже далеко, позволили себе улыбнуться – открыто, без столичной чопорности. Последним, задержавшись на мгновение, проехал Пален. Он нашёл глазами Егорова, коротко, чуть заметно кивнул, – и пришпорил коня.

Алексей проводил взглядом кавалькаду, скрывшуюся за мостом, и лишь когда стих цокот копыт, позволил себе выдохнуть.

– Живан Николаевич, Сергей Владимирович, принимайте хозяйство. Людей разместить, накормить, в баню сводить. С завтрашнего утра начинаем получать обмундирование по ведомостям, – чай, не затянется после такого приказа. А мне пора садиться за реляцию.

Барабаны ударили ритм марша. Роты одна за другой двинулись к казармам. Императорский смотр был окончен.

Глава 5. «Старая» память

Роты поочерёдно втягивались в жёлтые корпуса казарм. Площадь, только что гудевшая от тысяч голосов, постепенно пустела, и над ней разливалась та особенная тишина, какая наступает после большого события.

Лужина Алексей отыскал взглядом почти сразу. Фельдфебель стоял у входа в казарму, пропуская егерей своей роты.

– Никита, фельдфебеля с дозорной сюда позови, – попросил вестового Егоров.

– Ваше превосходительство, фельдфебель Лужин по вашему приказанию прибыл! – перейдя на строевой за несколько шагов перед генералом, представился тот.

– Ступай домой, Фёдор Евграфович, – сказал Алексей. – Нашим скажешь, что к ужину я с господами офицерами буду. Пусть Глафира самовар ставит. И Макарыча с Кудряшом и Ильюхой с собой захвати. Нечего им в казармах делать, небось гражданские люди давно.

– Ваше превосходительство, дозволейте посмотреть, как рота разместится? – попросил фельдфебель. – А то ведь душа будет не на месте. Я недолго, потом уж дальше Лазар с Бориской приглядят, а я побегу.

– Смотри сам, Евграфович, – Алексей пожал плечами. – Мы тоже скоро. Роты разместятся, пройдем их, а потом к вам. Ну давай, ступай, Федя. Гостинцы, подарки, гляди, не забудь!

– Как можно, ваше превосходительство! – пробасил тот, улыбаясь. – Всё уже готово, своего часа ждёт. Разрешите идти?

– Иди, – махнул рукой Алексей.

Подразделения лейб-гвардии Егерского полка расходились по своим казармам. Рота капитана Бегова заняла две смежные палаты на втором этаже. В первой, угловой, вместе с Балакинским разместился взвод Кожухова. Едва переступив порог, егеря сняли с плеч ранцы и с наслаждением принялись стягивать обувь, амуницию и верхнюю одежду. Помещения были просторные, светлые, с высоким потолком и жарко натопленные кафельными печами. От их изразцов тянуло сухим, ровным теплом, и этот запах – горячего кирпича и лёгкой известковой пыли – был для них сейчас лучшим из всех ароматов мира. После альпийских снегов и европейской грязи он означал одно: дом.

Отделение Горшкова заняло койки в самом дальнем углу, где было чуть тише и теплее. Южаков, забравшись на верхний ярус, первым делом вытащил из ранца свой волчий хвост. Он медленно, осторожно его разгладил, прищипнул горсть ворса и, удовлетворённо хмыкнув, нашёл на егерскую шапку.

– Ну вот. А то как-то голо без него. Словно не хватает чего. Как раздетый.

– Так конечно, привыкли уже, а тут приказ опять снять, – отозвался с соседней койки Лошкарёв, который тоже уже прилаживал свой хвост на место. – Туда-сюда тыркаем. Но теперь-то всё, теперь уж сам государь дозволил. Стало быть, всё по праву.

Лыков, сидевший внизу, блаженно потянулся и, прищурившись, оглядел товарищей:

– А ведь когда в Ямбурге снимали, я думал, всё, теперь надолго попрячем. А обернулось-то вона как: времени чуть прошло. Выходит, воевали не зря. Заслужили. Теперяча уж точно не отберут.

В другом конце палаты, на нижней койке у окна, Наумка расстегнул свой заплечный ранец и извлёк с самого дна небольшой свёрток – кусок застиранной холстины, туго перетянутый бечёвкой. Внутри него лежал его собственный волчий хвост, купленный по случаю в Богемии. Он берёт его несколько месяцев, не смея нацепить без разрешения старших, и теперь, когда этот день наконец настал, его пальцы едва слушались. Горшков, проходя мимо, заметил эту неуверенность и одобрительно кивнул:

– Ну что, братцы, – сказ ведь был, что тот, кто всю кампанию прошёл, в матёрые переходит?

– Шей, шей, Наумка, – послышалось с мест. – Заслужил! Давай, не робей! Хороший егерь!

Кузька, уже закончив со своим хвостом, подошёл и молча помог товарищу выровнять знак особой полковой доблести.

– Давно бы так, – произнёс Кожухов, обходивший расположения взвода. Он задержался у их койки, оглядел обоих и скупой, одними уголками губ, улыбнулся. – Теперь все, стало быть, при знаке. Как положено. А через месяц рекрутов приведут, вот уж кого сызнавать придётся. Вот уж где наемся – целых восемь душ.

В дальнем конце палаты уже гремели котлами готовщики, заноса их вовнутрь, и запах разварной каши пробивался даже сквозь густой дух казармы. Для людей, только что вернувшихся под родные крыши, наступали самые драгоценные часы – часы заслуженного, ничем не омрачённого покоя.

Лужин тем временем почти бежал по Дьяконовскому переулку. Он срезал путь через грязный проход и подворотни, которые знал как свои пять пальцев, и с каждым шагом сердце его колотилось всё сильнее. Перед калиткой, поправляя её и постукивая топориком, маячила знакомая фигура в старом егерском мундире.

– Авдей Никитич, ты всё в трудах, в заботах?! – воскликнул насмешливо Лужин. – В отставку вышел, а отдыхать не научился?

– Фёдор Евграфыч, ты?! Живой! – обернувшись, прогудел работающий. – Вернулся бродяга! – И раскинув руки, пошёл к Лужину.

– Эй, эй, топор-то положи! – хохотнул тот, шагнув навстречу. – Вот так у нас, значит, с топором старых друзей встречаются?

– Фе-едька-а! – пробасил, стискивая в объятиях товарища, ветеран. – С возвращеньем, братец! Живой, здоровый, слава богу! Значит, пришёл в столицу полк?

– Пришёл, Никитич, – отозвался, хлопая Авдея по спине, Лужин. – Только что с плаца отпустили. Сам император благодарственное слово молвил. Роты в казармы, а я к вам. Генерал с офицерами, тоже через час будет. В доме порядок?

– А то как же! – Матвеев нагнулся, подбирая топор. – Твоя с Глашкой-то с самого утра большую уборку с постирухами затеяла. Ну а я уж на улицу, чтобы не мешать. Иди скорее, заждалась ведь Дуня с сынком. Ох и крику сейчас будет!

Фёдор толкнул тяжёлую дверь и замер в прихожей. Навстречу выходила с большим тазом стиранного белья его Авдотья. Увидев мужа, она застыла, и выпавший из рук таз с грохотом покатился по полу.

В коридор из кухни выглянула Глашка и, охнув, вытаращила глаза.

– Федя... – только и выдохнула Авдотья.

Она шагнула к нему – высокая, статная – и порывисто прижала к груди. Лужин стиснул её в ответ, замер, чувствуя, как гулко бьётся её сердце. От его Дуни пахло хлебом, дымком и чем-то родным, домашним – тем самым запахом, о котором он столько раз вспоминал на бивуаках.

– Живой, Федечка, живой, слава богу... – прошептала Авдотья, и голос её задрожал.

В этот миг с лестницы кубарем скатился Ванька и с разбегу врезался в отца, обхватив его ручонками.

– Батя! Мой батя с войны вернулся!

Лужин присел на корточки, левой рукой прижимая сына, а правой лихорадочно шаря в скинутом с плеч мешке. Извлёк оттуда голову резного коня и палку с колёсиками – ту самую игрушку, что приехала с ним из-за тридцати земель и о которой он столько раз рассказывал товарищам у костров.

– Обещал тебе, сынок? Ну вот и получай. Боевой. Соберём, и как раз на крапиву в атаку ходить.

Мальчишка, не веря своему счастью, прижал игрушку к груди и замер – только глаза сияли. Лужин выпрямился и бережно достал из мешка второй свёрток – платок из тонкой шерсти с алыми цветами по краю. Тот самый, что он высматривал на Дерптской ярмарке, торгуясь с лифляндским купцом.

– А это тебе, Дуняша. Носи.

Она приняла платок, провела пальцами по мягкой ткани, и по лицу женщины беззвучно потекли слёзы. Фёдор, не в силах смотреть на это, отвёл взгляд и громко, чтобы перебить собственные чувства, гаркнул в сторону поварни:

– Глашка! Где самовар? Генерал скоро с господами офицерами будет! В доме чтоб всё готово было! Может, найдётся чем накормить?

– Так кто же знал-то?! Так не успею ведь настрять! – запричитала та. – Чего делать-то, господи?! И Герасима, как назло, дома нет. Кого же в лавку послать?

– Чего надо? Сам схожу, – откликнулся стоящий за порогом Матвеев. – Говори, чего прикупить нужно? А сама охай поменьше. Печь с утра растоплена? Ну вот, давай зачинай на скорую руку, а я сейчас сбегаю, там и Герасим подойдёт.

Через пару часов из кухонного окна особняка уже веяло съестным духом. В гостиной на длинном дубовом столе расставили посуду, в углу зашумел начищенный до блеска самовар. Все находившиеся внутри выскочили наружу встречать подкатившую к воротам пролётку. Генерал, а за ним Гусев, Хлебников и Рогозин выбрались наружу, с наслаждением разминая плечи после долгого суетного дня.

– Ваше превосходительство, дом к вашему приходу готов! Докладывает отставной старший унтер-офицер Матвеев! – вытянувшись во фрунт, рявкнул ветеран.

– Вольно! – шутливо хмуря брови, отозвался Егоров. – Здрав будь, Никитич! Я смотрю – хватка всё та же, гвардейская, суворовская? Не на службе, а стать держишь?

– Так точно, ваше превосходительство, – кивнул тот. – Служба в крови. И вам тоже доброго здоровья, Алексей Петрович.

Алексей оглядел чисто выметенный двор, вдохнул запах дыма и стряпни и вдруг ощутил, как понемногу отпускает то напряжение, что держало его последние недели.

– Хорошо-то как. Дождлся, Герасим? – подмигнул он седому старичку, выглядывавшему из-за спины отставного егеря. – А ведь боялся, не свидимся.

– Здравствуй, барин, – поклонился тот. – Дождлся, слава богу. Теперь можно и...

– Но-но! – погрозил ему пальцем Алексей. – Отставить эти разговоры! Здравы будьте, бабоньки! – крикнул он встречающим его женщинам. – Есть чем перекусить голодным солдатам? Нас много, сейчас ещё трое отставников подойдут...

Офицеры, скинув шинели в прихожей, прошли в гостиную. В мягком свете свечей на столе уже исходили паром миски с разварной гречневой кашей, блестело масло, парили свежепожаренные котлеты из щуки, лежали ломти холодной телятины, а в плетёной корзине горкой высились свежие бублики. Рядом с ними скромно притулилась глиняная миска с квашеной капустой, и всё это вместе – запахи, свет, тепло – создавало ощущение такого уюта, какого офицеры не испытывали с самого начала похода.

– Прошу к столу, господа, – Егоров жестом пригласил всех рассаживаться. – Фёдор Евграфович, и вы с семьёй садитесь. Матвеев, а ты чего в дверях застыл? Герасим, ты где?! Ну ведь не чужие. Макарыч, Илья, Ваня! Ну вы-то чего?! А ну быстро за стол!

Расселись шумно, задвигали стульями и лавками. Офицеры расселись около хозяина дома. Лужин, чуть смущаясь, усадил Авдотью рядом; Ванька, ни на минуту не выпускавший из рук деревянного коня, пристроился у отцовского колена. Макарыч и Кудряш, на правах старых боевых товарищей, заняли места с краю; Пономарёв, припадая на правую ногу, опустился

на лавку у окна. Герасим Спиридонович, кряхтя, выбрался из своей каморки и тоже подсел к столу на самый краешек лавки. Глашка, раскрасневшаяся от хлопот, всё суежилась, поднося из кухни тарелки со снедью.

– Присядь-ка, – буркнул Матвеев. – Обожди, сейчас генерал слово говорить будет.

– Так пирог ещё? – пискнула та.

– Сказал, сядь! – рявкнул Никитич, и та бухнулась рядом.

Алексей поднялся первым, держа в руке чарку. Свечи дрогнули, и за столом сразу стало тихо.

– С возвращением, братцы, – произнёс он негромко, обводя взглядом сидящих. – Долго мы сюда добирались, натерпелись всякого, но всё-таки сдюжили и вернулись живыми. – Он помолчал, и голос его, когда он заговорил снова, прозвучал глуше: – О тех, кто poleg в походах – о Карпыче, о Львова, обо всех наших егерях и офицерах, – мы ещё помянем отдельно. – Он на мгновение опустил голову. – Чуть позже. А сейчас давайте просто порадуемся, что сами уцелели, сохранили здоровье и сидим тут все вместе.

С этими словами он поднялся и, возвысив голос, провозгласил первую здравицу. Сидящие, загремев стульями, дружно встали вслед за ним и, потянувшись через стол, сдвинули чарки. Выпили молча, каждый думая о своём, о тех, кто не дожил до этого вечера. А потом заговорили разом – и гостиная наполнилась тем особым шумом, какой бывает только за большим столом, когда люди, прошедшие вместе через многое, наконец могут отвести души.

Мужчины говорили о том, что завтра с утра Rogozin поведёт команду на вещевой склад – получать сапоги, мундиры и амуницию, пожалованные государем. О том, что коней нужно перековывать, а упряжь менять. О том, что в эскадроне Воронцова их осталось едва ли на один взвод и надо срочно думать о пополнении. О волчьих хвостах, которые государь дозволил носить, и о том, что неплохо бы их теперь утвердить-узаконить, как он и требовал, чтобы ни у кого более рука не поднялась отнять.

– Непременно бумагу надо выправить, – поддержал Гусев, пододвигая к себе миску. – Чтобы в полковой канцелярии лежала за подписью и гербовой печатью. Тогда уж точно никакой ревизор и проверяющий не придерётся.

– Выправим, – заверил Егоров. – Но слово государя уже закон. А бумага будет.

Тут подал голос и Герасим – он, сидя с краешку, до того больше помалкивал, но, видно, накопело. Прошамкал, обращаясь сразу ко всем и ни к кому конкретно:

– Оно, конечно, и кони, и хвосты – дело доброе... А я вот что скажу, господа хорошие: в доме свечей чуть, а сапожного вару – ни ложки. Как сапоги-то чинить будем? Опять по темени и дратвой на сухую?

За столом прыснули. Матвеев крякнул.

– Будет тебе вар, Спиридонович, – прогудел он, потрепав седые вихры старику. – Завтра же на Апраксином рынке разживусь. И дратвы, и воску, и шильев заодно прикуплю – всё в доме стодится. А свечей охапку, и масла для светильников. Людей-то теперяча изрядно жить будет, много света надо. Не бойсь, старый, не забуду.

– Вот и ладно, – Герасим удовлетворённо кивнул и снова затих.

Тем временем Авдотья, до того молча сидевшая рядом с мужем, поднялась и вместе с Глашкой стала собирать пустые миски. Вдвоём они сноровисто унесли посуду в поварню и скоро вернулись: Глашка внесла блюдо с жареным судаком, от которого шёл пар, а Авдотья поставила на стол глиняный горшок с тушёной бараниной в сметанном соусе.

– Кушайте, господа хорошие, скоро и пирог поспеет, – произнесла она, смущаясь. – А то вон как в походе все исхудали, в чём только душа держится. Смотреть страшно.

– Ничего, хозяйюшка, – отозвался Rogozin, принимаясь за баранину. – С вашей-то стряпнёй в два счёта откормимся. А то, глядишь, и правда мундиры привезут, а они нам велики

окажутся. Как я тогда в интендантское ведомство отпишусь? «Заменить по случаю убыли в весе личного состава»? Да меня за такое объяснение самого на гауптвахту.

Сидящие за столом офицеры переглянулись и сдержанно заулыбались – сама мысль о том, что Рогозин, этот сухарь и педант, даже за ужином умудряется думать о каких-то ведомствах и отписках, показалась им забавной.

Лужин, сидевший рядом с женой, с тяжёлым вздохом пробормотал: «Откормит, Александр Павлович. Она такая».

Авдотья, чуть заметно улыбнувшись, отступила к буфету, где уже исходил паром самовар.

Вскоре сам собой разговор зашёл и о Суворове. Слухи о нём будоражили столицу, как весенний ветер. Передавали, что генералиссимус почти поправился, что он уже в дороге и что государь готовит ему пышную встречу – с пушечной пальбой, торжественным молебном и парадом на Дворцовой площади. Люди верили, что всё обойдётся и что великий старик сам поведёт войска на торжества. Офицеры за столом строили планы в надежде, что всё так и будет, но Алексей, слушая их, больше молчал. Что-то скребло у него на душе – смутное, неясное, похожее на обрывки чужой, давней памяти, что долетало откуда-то из самой глубины сознания. «Не всё так складно будет, – шептало оно. – Не всё...» Но в этот вечер он гнал от себя эти мысли. Может, обойдётся...

– Бог даст, совсем поправится Александр Васильевич, – произнёс он наконец, ставя чуть отпитую чарку на стол. – Государь к войскам милостив, а нам, господа, пока о своём деле думать. Вы уж давайте не при общем столе про это. Завтра с утра, Александр Павлович, – он повернулся к Рогозину, – ступай в комиссариатский департамент. Вы с Сергеем Владимировичем бумаги по потребностям уже заранее подготовили, перед сном перечитаю, заверю и тебе отдам. По нужным людям, Павлович, в департаменте пройди, думаю, особых трудностей не будет после такой встречи с государем.

– Понял, расстраюсь, ваше превосходительство, – заверил тот. – Со всеми интендантскими поговорю, не отвертятся у меня.

Позже, когда офицеры начали расходиться, а женщины взялись убирать со стола, Егоров поднялся в кабинет и, подойдя к окну, долго смотрел на тёмную Неву. Где-то там, далеко, на разбитых дорогах, трясся в это время в своей карете старый полководец, приближаясь к столице и триумфу. Всё вроде пока шло хорошо, но что-то тревожило Алексея. В его стёртой годами и событиями «старой памяти» было мало об этом времени. Итальянский и Швейцарский походы – да, эпохальные события, которые и через двести лет будут отзываться в сердцах и умах современников. А 1800, 1801, да даже и 1804 годы? Что вообще было «эдакого» в это время? В 1805 вроде как Россия опять должна была сойтись вместе со своими союзниками в войне против Франции, только теперь уже наполеоновской, и должны были случиться досадные поражения третьей и четвёртой коалиций. Унизительный Тильзитский мир, Континентальная блокада и вынужденный союз с Бонапартом. 1812... Стоп, куда занесло! А что же сейчас? А что через год?

«Ничего не помню!»

Алексей в досаде стукнул по подоконнику кулаком. Ну же?! Смерть Суворова. Когда, скоро? Он так и не оправится от этой болезни? В любом случае ему уже не командовать войсками под Аустерлицем, и вина за поражение будет не на нём. Суворов сражений не проигрывал! Ни одного! А Павел? Ему же вроде тоже немного осталось? Какой-то заговор? Мятеж? Воцарение сына Александра? Под Аустерлицем ведь, кажется, именно из-за его вмешательства русская армия была разбита?..

Сдался ему уже этот Аустерлиц! Плохо, когда не учишь толком историю, да ещё и забываешь. Что-то всё-таки будет. Не зря же у него на душе такая тревога.

Глава 6. В столице

Утро двадцать первого апреля выдалось хмурым и промозглым. Серое небо, низко нависшее над Петербургом, сочилось мелкой моросью. Влага оседала на карнизах, стекала по водосточным трубам, и весь особняк в Дьяконовском переулке, казалось, пропитался этой вездесущей сыростью.

Егоров проснулся затемно. В доме стояла глубокая тишина, даже суетливая Глашка ещё не начинала греметь посудой в поварне. Алексей зажёл свечу, накинул халат и в последний раз перечитал реляцию. Четыре дня упорного труда – и вот они, листы, исписанные убористым почерком. Подробный отчёт о действиях полка в Италии и Швейцарии. Предложения по изменению егерского снаряжения: ранцев, сапог, амуниции. Пункты о внедрении ручных гранат и личного оружия егерей, а также проект создания горной артиллерии. Венчали труд личные просьбы: воссоздать второй конно-егерский эскадрон в полку, пионерскую мастерскую и стрелковую школу. Всё, как требовал государь: сухо, по пунктам, без лишних слов.

Сложив бумаги в сафьяновую папку, Алексей облачился в новый мундир – тот самый, что пошили по срочному заказу только вчера, – и кликнул Никиту. Вестовой мигом подал пролётку.

В Военную коллегию на набережной Мойки он прибыл около девяти. У подъезда уже теснились экипажи, сновали адъютанты с кожаными сумками, прохаживались офицеры в ожидании приёма, и над всем этим стоял тяжёлый дух военного присутствия: запах сапожной ваксы, сыромятной кожи, едкого табачного дыма из караулки и лёгкое печное тепло, смешанное с плесенью старых сырых стен. Дежурный штаб-офицер – подполковник с усталым, равнодушным лицом – поднял глаза от толстого журнала, лежавшего перед ним на конторке.

– К кому, ваше превосходительство?

– Генерал-майор Егоров. По личному повелению государя должен передать пакет в канцелярию президента Военной коллегии.

Подполковник мельком скользнул взглядом по орденам на мундире.

– Их сиятельство граф Салтыков в недуге, а вице-президент, генерал Ламб, со вчерашнего дня в отъезде. Но пакет можете оставить мне. Или, ежели дело не терпит, можете пройти в третье присутствие. Там сейчас сам генерал-прокурор Оболянинов. Он нынче по высочайшему повелению в коллегии ревизию чинит, проверяет все бумаги и ведомости. Любое серьёзное дело без графа Салтыкова через него.

Делать было нечего. Алексей знал об Оболянинове немного, но и того хватало: суров, прямолинеен, груб и пользуется безграничным доверием императора. Прождав в канцелярии, Алексей наконец вошёл в кабинет. Оболянинов Пётр Хрисанфович – сухощавый, с цепким взглядом глубоко посаженных глаз – молча взял папку, перелистал несколько страниц, пробежал глазами строки.

– Как же, как же, слышал, что государь велел подать их, – сухо произнёс он, откладывая папку. – Сии бумаги я Николаю Ивановичу (Салтыкову) передам. Но учтите: по таким вопросам коллегия сама ничего не решает. Рассмотрит в положенный срок, но нужна, разумеется, высочайшая резолюция. Я доложу о вас Павлу Петровичу. А вы, генерал, пока ступайте и занимайтесь полком. Благосклонность государя, выслуженную ратными подвигами, грех не употребить на дело. Ждите вызова во дворец.

С тем Егоров и вышел. Оставив бумаги на попечение военной канцелярии, он покинул здание коллегии, а до назначенного императором приёма оставалось ещё неизвестно сколько времени. И его следовало употребить с толком.

Повозка ждала в соседнем переулке. Егоров назвал адрес на Петербургской стороне – он давно собирался навестить сыновей в кадетском корпусе, но дела, связанные с возвращением

полка, не отпускали. Теперь же, когда бумаги были сданы, он мог наконец позволить себе эту поездку.

Колёса прогрохотали по мосту через Карповку, и пролётка остановилась у массивных ворот старинного здания. Здесь, в этих стенах, уже без малого полвека размещался Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус – тот самый, что ещё при покойной императрице был преобразован из соединённых артиллерийской и инженерной школ, а ныне именовался 2-м Кадетским. Егоров поднялся по ступеням, и дежурный офицер, узнав боевого генерала, тотчас выслал вестового за воспитанниками.

Ждать пришлось недолго. Из глубины длинного, гулко-го коридора донесся топот нескольких пар ног, и к отцу вышли Колька с Егоркой. Оба были в кадетских мундирах: тёмно-зелёные куртки с красными воротниками и обшлагами, белые панталоны, чёрные галстуки, повязанные по-уставному. Колька, старший, уже раздавшийся в плечах подросток, вытянулся по стойке смирно первым, и его серо-голубые, как у отца, глаза глядели серьёзно. Егорка, чуть меньше ростом, с вечно взлохмаченным вихром на макушке, улыбался во весь рот, и его карие, материнские, глаза сияли радостью.

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – рявкнули они в один голос, вытянувшись во фрунт.

Алексей не выдержал – шагнул вперёд, сгрёб обоих в охапку, и чувствуя, как предательски щиплет в носу, пробормотал:

– Здравствуйте, ребятки. Здравствуйте, мои дорогие.

В дальнем конце коридора показалась группа воспитанников, и Алексей, почувствовав, как напряглись мальчишки, отпустил их.

– Здравствуйте, будущие господа офицеры. Ну, докладывайте: как учёба, как служба?

– Здравия желаем, ваше превосходительство! – гаркнули оба кадета. – Стараемся!

– По фортификации у обоих отличная отметка, – сказал, улыбаясь, Колька. – По фехтованию оба в первой дюжине. А Егорка на прошлой неделе аж самого князя Долгорукова в учебном бою одолел!

– Да он сам подставился, – покраснев, произнёс тот. – Я только и успел, что отбить да ответить.

– Молодец, сынок, – потрепал ему волосы Алексей. – Значит, хватка наша, егерская.

Он оглядел мальчишек. Четырнадцать лет, возмужали, вытянулись. Не малыши – парни. Мундиры сидели на них ладно, были чистые и отглаженные, сами ребята выглядели опрятными, как и положено воспитанникам императорского кадетского корпуса.

В коридоре стало шумно. Проходили строем, в одиночку и группами кадеты и офицеры. Каждый, завидев генерала с орденами и звёздами на мундире, норовил прокричать приветствие и погромче отбить строевым шаг.

– Может, в боковую? – предложил Алексей и толкнул дверь.

Пройдя, они оказались в обширном рекреационном зале, где в этот час было немногочисленно: несколько воспитанников младших классов отрабатывали строевой шаг под командой унтер-офицера да в углу, склонившись над книгой, сидел худощавый подросток в очках.

– Вольно! Вольно! Продолжайте! – махнул генерал направившемуся было в его сторону унтеру. – Мы тут ненадолго, братец. Не суетись. Считай, что нас нет.

Алексей опустился на скамью, сыновья пристроились по бокам, и начался тот особый, ни на что не похожий разговор, какой бывает только между отцом и детьми после долгой разлуки.

– Как кормят? – первым делом спросил Алексей, оглядывая поджарые, крепкие фигуры. – Не голодаете?

– Кормят сносно, папенька, – отозвался Колька. – По утрам хлеб со сбитнем. Щи да каша в обед, вечером опять каша. Хлеба в достатке, а бывает, что и пироги даже дают. Мясо каждый день, если он не постный. Когда пост – рыба.

– Маменька и бабуля же денег передают и посылки со сладостями, – вставил Егор. – А ещё дяди Живана молодая жена навещала, целую корзину гостинцев нам передала.

– И тётя Маша, – перебил его Колька, – баронесса, которая тебя знает, она в Калуге с мужем при Ингерманландском полку живёт. Полковник фон Эльмпт у неё муж. А тут на курс старше сын Сашка учится. Ну вот и она нам три раза уже гостинцы передавала. А мы всем с товарищами делимся.

– Подумать только, Маша Троекурова им гостинцы возит, – хмыкнул, качая головой, Алексей. – Вот уж хорошо устроились. А что делитесь – это правильно. С товарищами как? Никто не обижает?

– Не-е, – Егорка мотнул головой. – На нас не лезут. Мы сами кого хочешь обидим.

– Вот как? – Алексей усмехнулся. – И кого же вы обижаете?

– Да был тут один, из старшего класса, – нехотя признался Колька, покосившись на брата. – Сказал, что егеря – не настоящая гвардия, а так, застрельщики. Ну, мы его и вызвали на кулачках.

– И что?

– Я его победил, – младший потупился. – Он со мной сначала захотел, я же поменьше Кольки. Потом ещё два раза пытался. И оба раза получил. Теперь не задируется.

– Молодец, – Алексей потрепал его по вихрам. – За честь родного полка – всегда стой горой. Но помни: не всякую ссору нужно решать кулаками. Иногда слово действует вернее.

– Это нам и наставники говорят, – вставил Колька. – И ещё говорят, что офицер должен быть не только храбр, но и умён. Что без науки теперь воевать нельзя.

– Правильно говорят, – кивнул отец. – Война нынче такая, что одной храбростью не обойдёшься. Вы, как я слышал, к наукам прилежны? Фортификацию жалуете?

– Люблю, – признался Колька. – Я, да, больше всего как раз фортификацию люблю и черчение. А ещё тактику и стрельбу. А Егорка – тот больше по артиллерийской части.

– У него глаз верный, – подтвердил младший, кивая на брата. – Когда Колька из фузеи стреляет, то на сто шагов в мишень попадает. А я больше по холодному оружию и по пушкам. И ещё мне фехтование нравится и верховая езда.

– Значит, у каждого свой талант. – Алексей, слушая, переводил взгляд с одного на другого. – Это хорошо, ребятки. Ты, Коля, если в военные инженеры пойдешь, полезным офицером станешь. В полку без грамотного фортификатора ни завалов правильных не устроить, ни моста не навести, ни стену крепости не взорвать. А ты, Егор, если в артиллерийской науке преуспеешь – тоже здорово. Даже нам, егерям, без поддержки пушек в рассыпном строю никак нельзя, я уж не говорю про тяжёлую пехоту. Главное, ребятки, чтобы вы вместе держались. Вы же братья. Вместе – оно надёжней.

– Мы всегда вместе, – серьёзно ответил старший и, помолчав, добавил: – Батюшка, мы-то здесь всё больше по точным наукам... по инженерии. А в наш полк, к егерям, нас после такого учения пустят? Не заставят ли в крепостях сидеть и бастионы чинить?

– Если сами рваться будете в него и если службу лучше других сможете понимать – пустят, – ответил Алексей. – В егерском полку «ученый» офицер – первый человек. Мне такие мастера в батальоне через четыре года, когда выйдете в чины, ох как пригодятся. Дядя Живан уже сейчас ворчит, что мосты наводить некому и знающих артиллерийское дело мало. Так что грызите свою фортификацию и геометрию – это ваш пропуск в наше дело. Постараться, конечно, придётся, как-никак полк-то гвардейский, абы кого туда не берут, только самых лучших.

Глаза у мальчишек загорелись. Егорка от избытка чувств вскочил и едва не запрыгал, но тут же поймал на себе тяжелый взгляд старого унтера, занимавшегося с кадетами в конце зала. Мальчишка прижал голову и снова нырнул на лавку.

– Значит, к нашим, в родной... – прошептал он. – Он ведь самый геройский, самый лучший. Вот ребята обзавидуются!

– Пусть завидуют, – подтвердил Колька. – Заслужим. Только ты, батюшка, не думай, мы ведь не ради легкой жизни учимся. Сами всем докажем. Чтобы не говорили, что Егоровых по старой памяти в лейб-гвардию взяли.

– Я в вас и не сомневаюсь. – Алексей поднялся. – Ну, ведите, показывайте свои успехи.

Следующие два часа пролетели незаметно. Просто так бродить по корпусу не полагалось, но дежурный офицер, дозволив генералу осмотреться, лишь попросил по возможности не мешать распорядку.

В учебном классе, где за длинными столами сидели кадеты, мальчишки разложили перед отцом свои тетради. Алексей склонился над листами, разглядывая выведенные тушью чертежи: профили бастионов, расчёты эскарпов, хитроумные схемы подкопов и контрмин. Колька, сбиваясь от волнения, пояснял устройство «волчьих ям», и в его глазах светилась не по годам серьёзная страсть к военному делу.

– Вот здесь фашины укладываются в три ряда, батюшка, – втолковывал он, водя пальцем по чертежу. – А ежели грунт слабый, то и в четыре. Иначе если кавалерии скакать, то прорвет, и она по брюхо увязнет.

– Верно, – кивнул Алексей, пробегая глазами пометки наставника на полях. – Только не забывай про водоотвод. Зальёт дождём – и вся твоя фашина поплывёт.

Из класса они перешли в фехтовальный зал. Там пахло мастикой, старым деревом и потом. В центре, под присмотром пожилого фехтмейстера, несколько десятков кадетов отрабатывали выпады, и воздух гудел от мерного топота ног и коротких команд. Егорка, быстро облачившись в кожаный колет и натянув маску, упросил наставника позволить ему «показать класс» родителю. Скрестив клинки с одним из товарищей, он продемонстрировал несколько приёмов, которым выучился у шевалье де Бальтазара. Движения его были резкими, и клинок раз за разом находил брешь в обороне противника.

– Хорош, – негромко произнёс Алексей, наблюдая за приёмным сыном. – Но левое плечо открываешь. Так и под удар подставишься. Есть над чем работать, но молодец. А ну-ка ещё.

Егорка, тяжело дыша, кивнул и тут же исправил стойку.

В длинное, вытянутое строение тира зашли ненадолго, там как раз заканчивались плановые стрельбы старшего класса, и запах сгоревшего пороха ещё висел в воздухе густым, тяжёлым облаком. Унтер-офицер, старый служака с прокуренными усами, узнав Егорова-старшего, козырнул и, выслушав короткую просьбу, дозволил двум молодым кадетам сделать по выстрелу. Колька и Егор сосредоточенно зарядили фузею, долго выцеливали и, затаив дыхание, спустили курки. Когда дым рассеялся, на белых кругах обеих мишеней, в сорока шагах от стрелявших, красовались аккуратные дыры.

– Глаз верный, – скуп похвалил унтер. – Особенно у меньшого. В егеря смело можно.

Алексей одобрительно кивнул. Ничего говорить не стал – просто ещё раз оглядел обоих и чуть заметно улыбнулся. Этой улыбки хватило: сыновья и без слов поняли, что отец доволен.

Время пролетело незаметно, и, попрощавшись с сыновьями на том же месте, у парадного выхода, Алексей уже было собрался уходить, когда в дальнем конце коридора показалась знакомая фигура. Человек шёл быстрым, стремительным шагом, нервно постукивая тростью по каменным плитам, и даже издали, по одной только этой походке и характерному наклону головы, Егоров узнал цесаревича. Константин Павлович, состоявший главным начальником над кадетскими корпусами, частенько навещался сюда без предупреждения – эту привычку он перенял от отца.

Завидев генерала, он просиял и шагнул навстречу.

– Алексей Петрович! Какими судьбами?

– Ваше императорское высочество, – Егоров вытянулся, но Константин махнул рукой.

– Оставьте. Чай, не на смотре. Пройдёмся?

Они вышли на плац перед корпусом. Здесь было пустынно, только ветер шумел в голых ещё ветвях старых лип. Константин шагал, постукивая тростью по булыжнику. Алексей не решился заговорить первым. Наконец великий князь остановился и, глядя куда-то в сторону, произнёс глухо:

– Вы знаете, что Суворов приехал?

– Суворов?! – огорошенно переспросил Алексей. – Откуда?! Этого не может быть! Ведь готовят торжественную встречу! Ваше высочество! Иллюминацию, салют?! Войска ведь должны в парадном строю генералиссимуса приветствовать?! Для полка никаких указаний!..

– Приехал, – перебил Константин. – В дормезе⁶, лёжа на перине, и в сопровождении врача. Въехал в столицу вчера поздним вечером, потемну, тайно, в сопровождении конвоя. Ему строго-настрого запрещено являться во дворец.

Алексей замер. Он ждал чего угодно, но только не этого.

– Запретили? – переспросил он, не веря своим ушам. – Но ведь государь сам...

– Государь? – Константин горько усмехнулся. – Государю нашептали такого, что он теперь категорически не желает видеть генералиссимуса. Торжественная встреча отменена. Парад и чествование войск отменены. Колокольный звон, иллюминация – всё отменено. Вместо того чтобы встречать как героя, ему велено сидеть в доме племянницы на Крюковом канале и не показываться до тех пор на глаза, пока государь не решит, что с ним делать дальше.

Он помолчал, и в его голосе зазвенела едва сдерживаемая ярость:

– Вы знаете, кто это сделал? Пален, Кутайсов, Ростопчин... тут много имён. Даже Римский-Корсаков отличился в доносительстве, сваливая свои поражения под Цюрихом на Суворова. Они все боятся его, Алексей Петрович, боятся, что он скажет правду. Что напомним государю, кто на самом деле служит верой и правдой России, а кто – плетёт интриги за его спиной. Они уже его похоронили. А ведь он ещё жив. Жив, вы понимаете?

Князь помолчал, потом добавил уже тише:

– Вы только сами пока помалкивайте. Государь на вас сейчас благосклонно смотрит. Реляция ваша ему по нраву пришлась. Говорят, даже указ на генерал-лейтенанта для вас готов. Но сами ведь знаете: от милости до опалы у отца – один шаг. Я сам на себе сегодня его гнев испытал, когда попробовал заступиться. Чего только не выслушал. И что бабкины порядки хочу вернуть, и про Потёмкинскую форму. И почему не донёс про то, что у Суворова в адъютантах в походе дежурный генерал был. Всюду, Алексей Петрович, мерещится заговор и предательство, а уж тем паче от тех, кто воинской славой воссиял. Ревность, обида? Не знаю, не могу понять. Пробовал объясниться, но меня и слушать отец не захотел, прогневался, приказал убыть в Царское село к Кавалергардскому полку не позднее завтрашнего дня. Потому и уехал проверять Кадетские корпуса, чтобы с глаз долой.

Он резко развернулся, сделал шаг, взмахнул рукой, и на какое-то мгновение Егорову показалось, что цесаревич сейчас уйдёт, не простившись. Но Константин остановился и обернулся.

– Ступайте к себе, генерал, – голос его, только что полный горечи, вдруг стал жёстким, отрывистым – как взмах эспонтон на ученье. – Занимайтесь своим полком. И большая просьба – о нашем разговоре никому. Даже самым близким. Понимаете?

– Понимаю, ваше высочество, – ответил Алексей. – Благодарю за откровенность.

Константин коротко, порывисто козырнул и зашагал прочь. Сапоги его стучали всё тише, и вот уже только ветер шевелил голые ветви старых лип над опустевшим сквером.

Алексей остался один.

⁶ Дормез (от франц. *dormeuse* – «соня», «спальная») – это большая дорожная карета, предназначенная для долгих путешествий, в которой можно было спать, вытянувшись во весь рост.

Новость, которую он только что услышал о себе, в другое время обрадовала бы. Генерал-лейтенант! Но теперь она казалась горькой. Суворов умирает, а он, Егоров, получает чин. Заслуженный – кто спорит, но как радоваться? Сможешь ли смотреть в глаза тем, кто выносил раненых под Треббией, кто штурмовал Нови или Чёртов мост, кто шел в яростную атаку в Мутенской долине или мёрз на перевале Паникс? Ведь они ждали, им обещали достойную встречу под началом своего великого генералиссимуса, которого они почитали за отца. А теперь?..

А ведь действительно готовили грандиозные торжества. Рассказывали, что император собирался выйти из кареты у Триумфальных ворот, чтобы самому – на своих ногах – приветствовать старого полководца. Вдоль всего пути от заставы до Зимнего дворца должны были выстроиться войска, над столицей – разлиться колокольный звон, а встречным экипажам велено было останавливаться, пассажирам – выходить и кланяться. Всё это, выходит, отменили в один день, по какому-то ничтожному поводу.

В голове, словно вспугнутая птица, билось смутное, давнее знание, обрывок той, «другой» памяти, что жила в нём параллельно с этой жизнью. «Суворов не встанет. Павел... Павлу тоже недолго. Заговор? Убийство? Воцарение сына?» Дальше – пустота. Ни дат, ни имён.

Алексей тряхнул головой, отгоняя наваждение. Не время гадать. Надо делать своё дело.

В столице меж тем слухи не утихали – они роились, как мошकारа перед грозой, заползая в казармы, в трактиры у Сенной, в офицерские собрания на Миллионной. Передавали шёпотом, оглядываясь: будто бы государь самолично отменил все торжества и даже для въезда Суворову отвёл самый тёмный час, без всяких почестей и по окольным переулкам. Будто бы генералиссимусу и вовсе заказан путь в Зимний дворец, а видеться с ним и проверять приказано лишь двум-трём самым доверенным чинам.

Одни качали головами – не может того быть, не за такое ли геройство, как у Суворова, сам Пётр Великий своих полководцев всегда чествовал? Другие, напротив, поддакивали: времена нынче не те, при таком государе всё возможно. Спорили до хрипоты, а под конец расходились, ещё сильнее встревоженные. Каждый новый слух был правдивее прежнего, и чем меньше знали наверняка, тем громче и увереннее толковали. Город глухо гудел. Перемены были неизбежны, и это предчувствие пугало больше всего – никто не знал, чего ждать завтра.

Вернувшись домой, в особняк в Дьяконовском переулке, Алексей застал в гостиной Гусева и Хлебникова. Самовар на столе ещё пытел, сохраняя жар, – белый пар тянулся из-под крышки тонкой, дрожащей струйкой. Пахло мятой, сушёной малиной, уютом. Тем уютом, рядом с которым война и тревоги казались чем-то невозможным.

– Ну что, господа, – Егоров сам повесил тяжелую шинель на вешалку в передней и прошел к столу, – небось заждались?

– Докладываем, ваше превосходительство, – Гусев кивнул на разложенную на столе стопку бумаг. – По обмундированию почти всё получили, остались мелочи. По обозу – завтра последнюю повозку чинят. Вьюгов в мастерской пропадает...

Разговор зашёл о делах, но говорили вполголоса, без обычной оживлённости. О Суворове не заговаривали – после того, что Алексей услышал от цесаревича, он не решался делиться этим даже с самыми близкими. И старшие офицеры, чувствуя его настроение, не лезли с расспросами.

Разошлись за полночь.

Алексей поднялся в кабинет, сел за стол, раскрыл папку с начатой реляцией. Исписанные листы лежали перед ним, но слова не ложились на бумагу. Мысли то и дело возвращались к разговору с цесаревичем. Он отодвинул бумаги, подошёл к окну.

Нева внизу была черна, лишь редкие отблески фонарей дрожали на её поверхности да где-то далеко, у Троицкого моста, мерцал одинокий огонёк. Там, на Крюковом канале, в доме племянника, доживал свой век великий человек – генералиссимус Суворов. И никто – ни

Пален, ни Кутайсов, ни сам государь – не могли изменить того, что заканчивалась целая эпоха. Ещё хотя бы год-два дал Бог здоровья и сил старому полководцу, и он бы привёл армию в порядок, посеял бы страх в сердцах французов, воспитал бы новую плеяду молодых генералов и изложил свой богатейший опыт на бумаге. Вместо этого – интриги, доносы, зависть.

Алексей тяжело вздохнул, провёл ладонью по лицу и вернулся к столу. Сел и взял в руки перо.

«Полк надо беречь, – подумал он. – Всё, что создано с таким трудом за долгие годы: егерскую выучку, боевой опыт, традиции, – всё это нельзя растерять. Что бы ни случилось дальше, мои егеря должны остаться теми, кем они уже стали».

Он обмакнул перо в чернильницу и, отодвинув в сторону готовые листы, взял чистый. Следовало записать всё, что не вошло в официальную реляцию: мысли о новом, перспективном егерском снаряжении и форме, о действиях в рассыпном строю, об опыте горной войны. Пока есть «окно», через которое можно донести мысли на самый верх. И пока ещё есть время, которого с каждым днём оставалось всё меньше и меньше.

Перо закрипело по бумаге. Тишину кабинета нарушал лишь этот скрип и мерное тиканье напольных часов. Свечи у зеркала оплыли почти до половины, и их колеблющийся свет бросал на стены длинные, беспокойные тени.

Глава 7. «Здѣсь лежитъ Суворовъ»

Весенний Петербург встретил вестъ о тайном приезде Суворова глухим, тревожным ропотом. А через пару дней по городу поползли новые, ещё более горькие слухи: государь велел отобрать у Александра Васильевича всех адъютантов, тех, кто делил с ним тяготы Итальянского и Швейцарского походов, и приставил соглядатаев. Имя полководца исчезло со страниц газет. Ему было запрещено появляться на людях. В доме на Крюковом канале, куда поселили больного старика, теперь верной оставалась лишь горстка самых близких – племянница с мужем, арендующие второй этаж, поэт Державин, изредка навещавший умирающего, да народ, что вечно толпился рядом.

Алексей не спал вторую ночь. Он знал, что навещать опального полководца сейчас – значит бросать вызов не только придворным интриганам, но и самому государю. А ведь царедворцы только и ждут повода, чтобы донести, показывая свою лояльность монарху. Знал, что около дома на Крюковом канале, должно быть, толкуются соглядатаи, высматривающие тех, кто попытается ослушаться высочайшего запрета. Но смотреть на это сидя в стороне и просто ждать не под силу честному человеку.

«Позорно быть трусом перед умирающим, – подумал Егоров. – Позорно и грешно».

Велев подать пролѣтку, Алексей назвал адрес вестовому.

Набережная Крюкова канала встретила их сырым ветром с Невы. Дом графа Хвостова – двухэтажный, с мезонином, выкрашенный в бледно-жѣлтый цвет – стоял меж чахлых деревьев, и над его крышей низко нависало свинцовое весеннее небо.

Рядом с ним колыхалась толпа народа, а прямо у самого крыльца, как и ожидал Егоров, суетились двое. Один – вертлявый, в штатском сюртуке явно с чужого плеча – что-то нашептывал на ухо второму – грузному мужчине в мундире квартального надзирателя. Тут же, поодаль, переминаясь с ноги на ногу, толклась ещё пара соглядатаев, безуспешно пытаясь казаться праздными гуляками.

Егоров уже было взялся за ручку двери, когда из парадного вышел сам Иван Павлович Кутайсов⁷, всесильный царский камердинер, тот самый, о ком шептались при дворе, что от его слова порой зависело больше, чем от иного министерского доклада.

– Ваше превосходительство, – Кутайсов учтиво, но без тени подобострастия склонил голову. – Государь запретил беспокоить генералиссимуса. Вам, должно быть, не донесли. Или, может быть, вы обознались и вам нужно к соседям?

– Не обознался, – сухо ответил Егоров. – Я к Александру Васильевичу.

Кутайсов встал во весь свой немалый рост, загораживая дорогу.

– Ваше превосходительство, вам, должно быть, неведомо, но здесь теперь не принимают. Государь строго-настрога запретил беспокоить генералиссимуса. Да и он сам не хочет никого видеть. Генерал, я вам очень не советую...

⁷ Граф Иван Павлович Кутайсов – один из самых одиозных и влиятельных людей павловской эпохи, чья биография напоминает авантюрный роман. В 1800 году этот человек находился на пике своего могущества. Мальчиком-турком он попал в плен при штурме Бендер и был подарен юному цесаревичу Павлу. Будущий император сам крестил слугу и отправил его в Париж учиться парикмахерскому искусству. Вернувшись, Кутайсов стал личным бравобреем Павла I – единственным человеком, которому подозрительный царь без страха доверял своё горло и острую бритву. Пока Кутайсов брил государя, они беседовали. Именно в эти утренние минуты у зеркала решались судьбы министров, генералов и государственных указов. Вчерашний пленный слуга сколотил баснословное состояние, получил графский титул и высший орден Андрея Первозванного. Вся знать империи заискивала перед ним, хотя старая аристократия его презирала: фельдмаршал Суворов как-то при встрече демонстративно съязвил, что «о графе Кутайсове отродясь не слыхивал». Хитрый и корыстолюбивый, Кутайсов идеально управлял слабостями императора. По иронии судьбы, именно он косвенно погубит своего благодетеля. Накануне переворота 1801 года ему передадут записку с именами заговорщиков, но всесильный фаворит поленился её прочесть и сунет в карман, – в ту же ночь Павла I убьют.

– Мне нужно с ним повидаться! – перебил его Егоров, опустив ладонь на эфес сабли и глядя прямо в наглые глаза. – Пропустите, Иван Павлович! Или вы хотите силой задержать генерала русской армии, исполняющего свой долг перед своим же командующим?

На мгновение в глазах Кутайсова мелькнуло смятение. Он, видимо, прикинул, что связываться с боевым генералом, которого знает и жалуется сам государь и о котором ходит слава, себе дороже. Но и сдаваться просто так было не в его привычках.

– Ступайте, – процедил он сквозь зубы, отступая в сторону. – Только пеняйте на себя, ваше превосходительство. О вашем визите я буду вынужден доложить.

– Докладывайте! – бросил Егоров, проходя мимо. – Вы в своём праве, я в своём.

Внутри Алексея встретил сам хозяин, граф Дмитрий Иванович Хвостов. Известный в свете как племянник Суворова – вернее, муж его любимой племянницы Аграфены Горчаковой, – граф сейчас выглядел непривычно жалко. Лицо его было болезненно бледно, а глаза красны.

– Плох Александр Васильевич, – прошептал он, качая головой, – совсем плох. С утра опять впадал в беспамятство, вот только недавно очнулся, но сильно слаб. Даже с Кутайсовым не смог говорить. Горячка у него, всё о походах, о войсках в бреду кричит.

– Я могу видеть его?

– Велено было никого не пускать, – граф замялся, – да и заходить ведь мало кто осмеливается. Но уж для вас, Алексей Петрович, сделаю исключение.

Хвостов отворил дверь в просторную, слабо освещённую комнату. В углу около иконостаса горела одна-единственная свеча. У стены со шкафами-поставцами, заставленными склянками, стояла широкая кровать, накрытая солдатской шинелью. На ней, бледный, почти прозрачный, лежал Суворов. Глаза его были закрыты, грудь едва вздымалась.

– Оставьте нас, граф, – шепнул Хвостову Алексей. – Я побуду с ним один.

Дмитрий Иванович кивнул и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Алексей осторожно опустился на колени у кровати, взял холодную, иссохшую ладонь в свою.

– Александр Васильевич, – тихо позвал он.

Веки больного дрогнули, и Суворов открыл глаза. Они были мутны, но в них всё ещё теплился огонь – тот самый, прежний, который, казалось, просто не мог погаснуть.

– Алексей... – медленно выговорил старик. – Ты пришёл... не испугался. Всё такой же... упрямый, прямой как штык. А вот я погнулся, погнулся, голубчик. Всё...

– Полноте, ваше высокопревосходительство! – воскликнул Егоров. – Вы ещё встанете. Вы ещё поведёте войска.

– Нет, Лёша, умираю, – еле слышно выдохнул Суворов. – Доктора говорят: «надежда есть», а я-то знаю, что всё. Вот и не надо. Хватит. Пожил, послужил хорошо. Теперь пора и честь знать. Теперь перед Господом отчёт давать.

– Не говорите так...

– Брось, – Суворов слабо сжал его пальцы. – Я смерти не боюсь. На войне сколько раз ей в глаза смотрел. А тут – тихо, по-домашнему. Даже хорошо...

Он помолчал, переводя дух.

– Как там войска, полк?

– В порядке, ваше высокопревосходительство, – ответил Алексей. – Войска с дальнего марша расходятся по местам постоянного квартирования. Государь к полку был милостив, смотр прошёл достойно. Даже не прогневался и со службы никого не выгнал.

– Милостив... – Суворов горько усмехнулся. – На меня его милости не хватило. А впрочем, бог с ними, с этими милостями. Не для того жил, не от земного царя теперь её ждать...

– Не терзайте себя, Александр Васильевич, – тихо промолвил Егоров. – Не о том сейчас речь.

– О чём же? – Суворов повернул к нему лицо. – О смерти? Нет, я к ней готов.

– Милости властителей приходящие и уходящие, Александр Васильевич, – произнёс негромко Алексей, – а Россия, народ, вас никогда не забудут. Вы уж мне поверьте – и через века имя Суворова будет произноситься русским человеком с великой гордостью. Да вы и сейчас не забыты, ваше высокопревосходительство. У дома всё время народ толпится. И войска надеются на поправку, ждут вашего слова.

– Войска... – Суворов закрыл глаза. – Мои чудо-богатыри.

– В войсках за вас молятся, Александр Васильевич. И из генералов многие навещать собираются, несмотря ни на что. А Багратион был? Навещал вас?

– Был, – голос Суворова дрогнул. – Был Петя. На коленях стоял. «Простите, – говорит, – не уберёг». А я ему: «Вздор, братец. Ты воин славный. Иди и служи России верой и правдой». И ты служи, Алексей. России нужны такие генералы. Вам ещё воевать и воевать. Я вижу. Не успел я беду отвести, вам придётся...

– Послужим, Александр Васильевич. – Егоров сжал его руку.

– Служите... – Суворов повернул к нему лицо. – А ты, Алексей... Ты-то почему здесь? Не боишься? Государь как узнает – немилость будет. Мне-то уже всё равно, а тебе...

– Не боюсь, – ответил Егоров. – Я присягал Отечеству, ваше высокопревосходительство, а не царедворцам. Вы мой командир, как же это мне к вам не прийти?

– Добро, – выдохнул Суворов. – Молодец. Настоящий «егерь императрицы», правильно Потёмкин тогда сказал... Только уж лучше никому не приходить, не нужно государя гневить. Пусть себе, а я-то уж его и простил...

Он замолчал, закрыв глаза. Алексей подумал, что старик уснул, и хотел тихонько подняться, но Суворов заговорил снова:

– Ты слышал, что ко мне Державин приходил? Спросил: какую бы я эпитафию для себя как полководец желал. А я ему: «Много, братец, тут слов не надо. Напиши просто: „Здесь лежит Суворов“». И он согласился. «Помилуй Бог, – говорит, – как хорошо».

– То-то и оно, – прошептал Егоров. – Полководцев много – Суворов один.

Александр Васильевич долго молчал, словно собираясь с силами, потом промолвил тихо:

– А теперь ступай, ступай, Алексей. Дела у тебя. Уважил. Навестил старика. Запомни, генерал: береги полк. Всё, что создали – выучку, традиции, дух победный, русский, – не растеряйте. Всё пригодится скоро. Всё нужно. А я тебя благословляю, как отец сына.

– Спасибо, – Алексей сжал холодную руку старика. – Спасибо, ваше высокопревосходительство. Я постараюсь.

– Не старайся, – еле слышно прошептал Суворов. – Делай. И помни: кто не страшится – тот непобедим. Ступай. Тяжело... Устал...

Егоров поднялся.

– До свидания, Александр Васильевич.

Но Суворов уже не отвечал. Он опять впал в забытье.

Внизу ждал Хвостов.

– Долго? – глухо спросил его Алексей.

– Доктора говорят – день-два, – развёл руками граф. – Больше не дают.

Алексей вышел на крыльцо. Кутайсов всё ещё был здесь, дожидаясь.

– Повидались, ваше превосходительство? – ехидно поинтересовался он. – Поговорили о чём хотели? Посекретничали? Доложились Суворову?

– Простились, – холодно ответил Егоров. – Теперь ваша очередь. Докладывайте кому велено.

Он не стал дожидаться ответа, вскочил в пролётку и велел правящему вестовому трогать.

Прошло два дня. Алексей не мог позволить себе праздности – дел после возвращения полка в столицу накопилось множество. Вместе с Рогозиным проверялось полученное со складов обмундирование: мундиры, ранцы, сапоги – егерям всё требовалось перемерить, подогнать, выявить негодное. С Гусевым составлялись ведомости на пополнение: убыль в стрелковых ротах составляла около четверти личного состава, а в конном эскадроне и того больше. Да и коней в нём был огромный некомплект. Только позавчера пригнали их около сотни голов, и теперь требовалась долгая объездка. Воронцов ходил по пятам и то и дело жаловался на недоуздки и подпруги – всё требовалось заказывать, менять, подгонять. Вьюгов со своими пионерами обустраивал полковую оружейную лабораторию в старом цейхгаузе, и без шефа полка там тоже не обходилось.

На третий день, когда уже начало смеркаться, важный фельдъегерь привёз пакет с большой гербовой печатью. Алексей, срезав сургуч, пробежал глазами строки и положил лист на стол, не говоря ни слова.

«Явиться в Зимний дворец. Немедленно». Размашистая подпись: *«Павелъ»*.

Он не спеша достал мундир, разложил его на столешнице – новый, ещё пахнущий хорошим, качественным сукном и шерстью. Провёл по нему ладонью, задержался на георгиевской ленте своего первого офицерского ордена. Потом оделся. Поправил кресты со звёздами и красную Александровскую ленту. Генеральский шарф на поясе затянул туго, как перед боем. На душе лежала тревога. Было件нятно, что такой срочный вызов во дворец не мог предвещать ничего хорошего.

– Пролётку! – бросил он заглянувшему в комнату вестовому.

К Зимнему дворцу подъехали, когда на Невском и прилегающих улицах уже зажигались редкие огни светильников. Алексей поднялся по знакомой до последней ступени Иорданской лестнице. Предупреждённый караул из семёновцев, отдав честь, пропустил его в просторный вестибюль, откуда генерал в сопровождении флигель-адъютанта проследовал в приёмную залу. Ожидавшие – статские, чиновники с кипами бумаг – почтительно расступились, освобождая проход. Кто-то пробормотал вежливое приветствие, Егоров лишь молча кивнул.

Ждать пришлось недолго, но эти минуты для Алексея тянулись мучительно. Где-то там, за этой золочёной дверью, скрытой за тяжёлой портьерой, решалась его участь.

Наконец, створки распахнулись, и на пороге показался сам государь. Без парика, в простом гатчинском мундире с большим белым мальтийским крестом на шее. Его худое, бледное лицо с резкими чертами и вздёрнутым носом казалось застывшей маской предельной усталости. В приёмной стало так тихо, что слышно было, как нагорают и потрескивают свечи в шандалах. Павел медленно обвёл взглядом просителей и замер, наткнувшись на вытянутую в струну фигуру генерала.

– Егоров, ко мне, – голос императора был негромок, но в мертвой тишине огромного зала его услышали все.

Павел круто развернулся и скрылся в глубине кабинета. Секунду помедлив, Алексей одёрнул полы мундира и шагнул в дверной проём, оставляя за спиной шелест пересудов.

В углу кабинета, за небольшим столиком, с пером в руках сидел дежурный кабинет-секретарь. Он не поднимал глаз и никак не обозначал своего присутствия. Государь стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел на серую, неприветливую Неву.

– Я велел вам, генерал, подать отчёт о действиях своего полка в итальянской кампании и предложения по изменению всей егерской службы, – заговорил он не оборачиваясь. – Вы их подали. Но я также слышал, что вы навели опального генералиссимуса, нарушив мой прямой запрет. Это так?

– Так точно, ваше величество, – подтвердил Алексей, стоя навытяжку. – Я действительно был у Александра Васильевича.

– Почему?

– Я считал и считаю, что долг чести и благодарности превышает любых запретов, – выдохнул Алексей. – Суворов был моим наставником. Он учил меня воевать, он водил меня в бой. И зная, что он умирает, я не мог не проститься с ним.

Павел резко обернулся. Лицо его, бледное и желчное, перекошилось.

– Вы – генерал моей гвардии! – Голос императора сорвался на крик. – И вы ставите свою совесть выше приказа государя?! И ещё смеете говорить мне это сейчас?!

– Я говорю правду, ваше величество, – Алексей не отвёл взгляда. – Велите уйти в отставку – что же, воля ваша. Но врать и каяться в том, что не считаю грехом, не умею.

Павел стремительно прошелся по кабинету, по-птичьи вскидывая ноги. Желваки на его лице ходили ходуном. Он остановился у стола, схватил лист бумаги, скомкал его и швырнул в угол.

– При всём моём уважении к вашим заслугам, генерал, вы не оставляете мне никакого выбора! Я не могу терпеть в гвардии офицера, который открыто бравит не послушанием.

– Простите, ваше величество, я не бравитую, – промолвил тихо Алексей. – Я только лишь попрощался с умирающим.

Павел поднял на него тяжёлый, колющий взгляд.

– Завтрашним днём вы уволены со службы, генерал-майор Егоров. Вам надлежит в трёхдневный срок покинуть столицу и отбыть в своё имение – я знаю, у вас там много работы. Полагаю, что в деревенской глуши вы найдёте своим талантам лучшее применение. Мундир и знаки отличия оставьте при себе – я не лишаю вас чести и заслуг, лишь своего доверия. И чтобы никаких прощальных смотров и церемоний! Всё. Ступайте.

– Слушаюсь, ваше императорское величество! – рявкнул Алексей и, круто развернувшись, щёлкнул каблуками. Десять чётких строевых шагов по зеркальному паркету – и тяжёлые золочёные створки за его спиной закрылись с глухим стуком.

Вернувшись в особняк, он застал Милорадовича, Гусева и Хлебникова. Все трое поднялись ему навстречу – бледные, напряжённые.

– Ну?! – спросил в нетерпении Живан.

– Всё, братцы, отвоевался. – Алексей махнул рукой и расстегнул тугую ворот мундира. – Уволен со службы. Три дня на сборы, потом в поместье.

– Как же так?! – воскликнул Сергей. – Ведь только что заслуги признали, командорским крестом наградили, высочайшая благодарность за поход объявлена, велено полк в порядок приводить! Государь же сам тебя только недавно хвалил!..

– Ну а теперь уволил, – усмехнулся Алексей. – Ладно хоть в крепость не отправил, как в прошлый раз, и на том спасибо. Три дня на сборы, братцы, и в поместье – коровам хвосты крутить. Ах да, ещё мундир и награды разрешено при себе оставить. Так! Вы тут смотрите у меня, чтобы никаких проводов! Их императорское величество особо об этом упомянул. Будьте уверены, за этим кому положено присмотрят, так что не нужно рисковать. А то опять как в прошлый раз получится. Берегите полк, друзья, гатчинские придут – всё погубят. Все наши наработки и начинания вновь прахом пойдут. – Алексей перевёл дух. – Приказываю: служить и беречь всё то, что мы вместе столько лет создавали. И знайте, что это не только мой наказ, но и воля Суворова. Ничего, братцы, ничего, рано или поздно, но всё образуется. Мы ещё послужим вместе, помяните моё слово.

В эту ночь в особняке до самого рассвета горели свечи, а в переулке, вглядываясь в подсвеченные окна, маячили серые, невзрачные фигуры.

На следующий день, едва над Петербургом занялся хмурый, неприветливый рассвет, пришла чёрная весть. Её принёс запыхавшийся Никита.

– Ваше превосходительство, – выдохнул он, едва переступив порог, – к вам дежурный офицер срочно прислал. Велел передать, по войскам пролетело – скончался Александр Васильевич!

Охнул Гусев, скрипнул под тяжестью опустившегося тела Милорадовича стул, и в доме стало тихо. Алексей подошёл к киоту и, глядя на огонёк лампы, зашептал молитву. Через несколько минут запряжённая четвёркой лошадей крытая карета выехала из переулкa, а вслед за ней выскользнула две тени.

В казармах на Семёновской воздух, казалось, пропитался горечью. Ещё только заехав на площадь, Алексей заметил непривычное движение – солдаты квартирующих тут гвардейских полков стояли кучками в своих мундирах и разговаривали вполголоса, угрюмо поглядывая на проезжающие экипажи. Они уже всё знали, слух по столице разлетелся мгновенно. В штабной комнате было тесно, тут собрались все свободные от службы офицеры.

– Наш генералиссимус, великий Суворов, ушёл в вечность, господа, – произнёс Егоров. – О траурной церемонии никаких известий пока нет. Как что-то будет достоверно известно – всем об этом сообщат. Пока же требую сохранять полное спокойствие. Службу нести по утверждённому распорядку. И ещё, указом государя с сегодняшнего дня я уволен с военной службы и отправляюсь в своё имение. Тише, господа! – Он обвёл взглядом заволновавшихся офицеров. – Ничего страшного не произошло, и такое уже было. У вас есть родной полк, и самое главное – есть служба своей отчизне. Вы должны помнить об этом, вы – только что прошедшие через ад сражений у Треббии и Нови, вы – прорвавшиеся через Альпы! У вас наконец есть ваши егеря, за которых вы в ответе. Будьте же для них примером. Я же верю, что мы ещё послужим вместе, и вы верьте. Никаких проводов и церемоний мне устраивать не нужно, это указ государя. С сего момента командование полком полностью ложится на плечи полковника Милорадовича, ему я сейчас всё и передам.

За двое суток Алексей уладил все бумажные дела и отчитался перед ревизионной комиссией за все суммы, потраченные в походы. Хоть от этого стало легче на душе, нести на себе ответственность за казённые деньги и имущество не хотелось. В долгую дорогу готовились три пролётки с ветеранами-егерями. Меж тем наступил день похорон. Егоров, подъехав к зданию, где располагался штаб, и выслушав рапорт дежурного офицера, поднялся по лестнице, прислушиваясь к голосам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.